

нѣйшей ирригаціи, процвѣтавшей нѣкогда здѣсь во времена владычества китайцевъ

Справедливость этихъ показаній подтверждается имѣющимися еще и теперь на лицо остатками древнихъ, грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооружений, не только въ Ферганѣ, но и во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

О существованіи здѣсь нѣкогда обширнѣйшей ирригаціонной системы говоритъ также и географъ Э. Реклю, въ своемъ сочиненіи „Природа и люди“. Вотъ его слова: ⁽²⁾ достоверно извѣстно, что въ прежнія времена обработанныя мѣстности (въ Туркестанскомъ краѣ) занимали гораздо болѣе значительное протяженіе. Двѣнадцать тысячъ арыковъ, гласитъ легенда, распространили жизнь среди песковъ, но нынѣ большая часть этихъ живительныхъ артерій засорилась. Слѣды старыхъ оросительныхъ канавъ виднѣются во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь растетъ только дикій кустарникъ, гдѣ прогуливаются бугры сыпучаго песку. Большіе города, покинутые жителями, представляютъ теперь не болѣе, какъ груды мусора, гдѣ ползаютъ разные гады.

Наконецъ о томъ-же предметѣ говоритъ В. Дингельштетъ: ⁽³⁾ „въ нашихъ среднеазіятскихъ и туркестанскихъ владѣніяхъ есть много слѣдовъ прежней дѣятельности, чтобы воспользоваться благодѣтельнымъ дѣйствіемъ водъ для извлеченія богатства изъ земли; но современная техника еще колеблется проявить здѣсь свою могучую дѣятельность“.

Будемъ впрочемъ надѣяться, что наши русскіе техники, въ видахъ народной и общегосударственной пользы, не колеблясь проявятъ въ ирригаціонномъ вопросѣ не только Ферганы, но и всего Туркестанскаго края, самую энергическую и плодотворную дѣятельность, основанную на началахъ современной науки и технического искусства.

Александръ Дмоховскій.

Шахимарданъ.

Верстахъ въ 45 къ югу отъ Маргелана, въ узкой долинѣ между высокими предгорьями Алайскихъ горъ, находится кишлакъ Шахимарданъ. Красивое расположеніе его, какъ въ самой долинѣ, такъ и по склонамъ горъ привлекаетъ не мало маргеланской публики посмотрѣть и полюбоваться на его красоты, а также подышать чистымъ и прохладнымъ воздухомъ интересной долины.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцовъ нынѣшняго года мнѣ представился случай съѣздить въ эти горы.

Конечно, такая пріятная поѣздка не заставила меня долго собираться, тѣмъ болѣе, что меня обѣщали сопровождать туда одинъ изъ моихъ маргеланскихъ знакомыхъ, уже нѣсколько разъ бывшій въ горахъ и хорошо знакомый съ мѣстностью.

Мы отправились, надѣясь провести хотя одинъ день въ Шахимарданѣ.

Арбяная дорога отъ самаго Маргелана не представляетъ особенныхъ трудностей для проѣзда. Мы выѣхали часовъ въ 10 утра. Не долго пришлось ѣхать городомъ, такъ какъ съ южной стороны онъ совсѣмъ не окру-

женъ никакими селеніями или садами. Весь путь нашъ долженъ былъ совершиться въ два переѣзда: первый, двадцативерстный до кишлака Вуадля, и второй до цѣли поѣздки.

Дорога, начавшаяся сейчасъ послѣ Маргелана, не могла интересовать меня, какъ навѣрное, не интересовала - бы и всякаго своей открытой во всѣ стороны степью, замыкавшейся впереди цѣнью невысокихъ холмовъ. Скучная, полусохшая трава, покрывавшая степь, не могла производить пріятнаго впечатлѣнія на глазъ путешественника; только виднѣвшіяся впереди и казавшіяся близкими, горы сосредоточивали на себѣ все мое вниманіе; казалось, что вотъ-вотъ скоро, черезъ какихъ нибудь полчаса, арба въѣдетъ въ ущелье, и глазамъ представится прекрасная картина горной природы. Однако до перваго ущелья пришлось проѣхать намъ часа два. Проѣхавъ небольшое пространство возлѣ постепенно повышающихся холмовъ съ правой стороны, арба

⁽²⁾ Т. XI, стран. 288 и 289.

⁽³⁾ Водовладѣніе и ирригаціи, ч. I. стр. 34.

въѣхала въ ущелье, тинувшееся версты двѣ или три; миновавъ ущелье, она остановилась въ концѣ его, при самомъ началѣ ровной, огромной, въ нѣсколько верстъ въ ширину и длину, площади, возлѣ небольшого вырытаго пруда, защищеннаго отъ знойнаго солнца карагачомъ и таломъ. Воды въ прудѣ было мало, такъ какъ наполняющій его, идущій изъ Вуадила арыкъ, былъ сухъ. Арбакешъ распрягъ лошадь и сталъ ее поить, а я пошелъ на невысокую гору, возвышающуюся вправо у дороги и сталъ смотрѣть впередъ, на виднѣвшіеся вдали сады Вуадила, которые длинною дугою окаймляли подошвы высокихъ горъ. Строеній Вуадила не было видно. На горѣ, гдѣ я стоялъ, была сложена куча изъ нѣсколькихъ камней и между ними воткнута палка. Все это свидѣтельствовало о томъ, что тутъ была чья-то могила.

Черезъ нѣсколько минутъ я спустился съ горы; мы отправились далѣе. Дорога была ровнѣе, чѣмъ прежде; пыли почти не было; растительности кругомъ никакой, только немного далѣе, впереди, справа и слѣва виднѣлись двѣ полосы сожженной солнцемъ травы. Часа черезъ полтора стали встрѣчаться небольшія деревца тала и тута, а немного погодя, начались возлѣ дороги поля и болѣе крупныя деревья, по краямъ протекавшихъ арыковъ. Скоро потянулись заборы какихъ-то жалкихъ строеній Вуадила, а за ними—бакчи и сады... Главная улица къ центру Вуадила была не очень широка.

День клонился къ вечеру и полевые работы были уже окончены. Улица, по которой мы ѣхали, была очень оживлена и оглашалась громкимъ говоромъ народа и крикомъ играющихъ ребятъ. Болѣе почтенные, сѣдые сарты, собравшись возлѣ нѣсколькихъ чай-хане, равнодушно взирали на игры ребятъ, разсуждая между собой. Повсюду видны были идущіе съ полей сарты-работники съ серпами и связками травы или клевера за плечами. Въ воздухѣ носился запахъ жженого сала, такъ какъ въ разныхъ углахъ базарные ашпазлары (повара) варили пловъ. Арба ѣхала крытымъ базаромъ, затѣмъ повернула немного на лѣво; открылась небольшая площадь, черезъ которую быстро про-

текаетъ горная рѣчка; впереди виднѣлась плотина. Проѣхавъ черезъ мостъ, арба скоро спернула въ переулочекъ на лѣво и, немного спустя, въѣхала въ садъ; здѣсь остановились мы возлѣ пустаго, каменнаго русскаго дома.

Было уже темно. Распрягнувъ лошадь и задавъ ей корму, арбакешъ началъ варить пловъ, а я, не смотря на темноту, отправился, вмѣстѣ съ моимъ компаніономъ, ходить по саду.

Рядомъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ мы остановились, поднималась гора; мы стали на нее взбираться. Луна только что взошла изъ за горъ и освѣтила кишлакъ. Темными массами виднѣлись со всѣхъ сторонъ сады и блѣдно-освѣщенные луннымъ свѣтомъ, слившіеся, многочисленныя строенія Вуадила; кой-гдѣ между ними виднѣлись огни отъ костровъ и освѣщали краснымъ свѣтомъ ближайшія сакли. Впереди, на пути къ Шахрману, были видны темныя громады горъ, ясно обрисованныя узорчатою линіею на темно-синемъ сводѣ неба, а за ними далеко, далеко—блестящія своими вершинами снѣговыя Алайскія горы.

Сойдя, съ горы, мы увидѣли, что насъ уже ожидаетъ самоваръ; арбакешъ позаботился о немъ, какъ только мы ушли.

Пожинавъ предварительно пловомъ и потомъ напившись чаю, мы легли спать; этому-же примѣру послѣдовалъ вскорѣ и арбакешъ. Тихая и звѣздная іюльская ночь

спустилась надъ Вуадилемъ и прекратила весь дневной шумъ и оживленіе, побуждая каждого ко сну. Только неугомонная рѣчка не переставала шумѣть, прорываясь черезъ плотину и быстро несясь черезъ камни.

На разсвѣтѣ мой компаніонъ разбудилъ меня; арбакешъ уже ожидалъ, чтобы до восхода солнца пріѣхать къ ущелью. Я не заставилъ себя долго ждать, тѣмъ болѣе, что самому мнѣ хотѣлось до начала жары выбраться изъ Вуадила; на-скоро нацпились чаю и сѣли въ арбу. Выѣхавъ изъ воротъ сада, арбакешъ повернулъ на лѣво и нѣсколько времени ѣхалъ по улицѣ, замощеной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями; камни эти во многихъ мѣстахъ выдавались изъ земли и вслѣдствіе этого была сильная тряска. Но вотъ

улица скоро кончилась; строенія тянулись только съ правой стороны, а на лѣво открывалась равнина, оканчивающаяся впереди рядомъ горъ. До ущелья нужно было проѣхать еще съ версту. По мѣрѣ того, какъ арба подвигалась все болѣе и болѣе впередъ, строенія, находящіяся по правую сторону дороги, удалялись, такъ какъ шли полукругомъ около Вуадиля.

Мѣстность была неровная; приходилось постоянно подниматься и опускаться; одинъ разъ переѣхали по плохому мосту черезъ горную рѣчку, которая проходя черезъ ущелье и Вуадиль, идетъ въ Маргеланъ; но подробнѣе объ этой рѣчкѣ я скажу послѣ. Наконецъ уже не много осталось до ущелья, но прежде нужно было взобраться на довольно крутой подъемъ, длиною въ нѣсколько сажень. Мы вылезли изъ арбы и пошли пѣшкомъ впередъ. Пока арба поднималась и была еще на половинѣ подъема, мы были уже у самаго ущелья. Двѣ огромныя горы, какъ стѣны возвышались по обѣимъ сторонамъ узкаго входа въ долину. Обѣ онѣ сливались съ цѣпью другихъ горъ, которыя тянулись отъ нихъ въ противоположныя стороны и такимъ образомъ представляли какъ бы крѣпость,—крѣпость созданную самой природой, съ которой человѣкъ не можетъ состязаться въ искусствѣ и прочности постройки. Круто поднималась гора съ правой стороны; въ основаніи ея лежали огромныя камни, изъ которыхъ многіе выдавались впередъ обнаруживая въ пзломахъ своихъ прочное желѣзняковое сложеніе. Выше гора была усыяна мелкимъ булыжникомъ, котораго въ особенности было много въ углубленіяхъ, образовавшихся отъ стока дождевой воды. Съ лѣвой стороны дорога, проходя черезъ ущелье, была загорожена нагроможденными камнями, такъ какъ сейчасъ начинался глубокой, съ крутымъ скатомъ оврагъ, по дну котораго протекала горная рѣчка. Сейчасъ же за рѣчкой, почти отвѣсно, поднималась лѣвая гора. Она казалась еще выше, чѣмъ правая. Рѣчка, подмывая ея основаніе, мало по малу уносила съ водой оторванныя глыбы земли, вслѣдствіе чего гора поднималась отвѣсно и была обнажена отъ камней, бросааясь въ глаза красноватымъ цвѣтомъ

образовавшейся ея почвы.

Рѣчка, протекавшая внизу, называется—Сай; впрочемъ это, собственно говоря, имя нарицательное, такъ какъ у туземцевъ вообще всѣ горныя рѣчки носятъ названіе Сай. Слово это, въ переводѣ на русскій языкъ, обозначаетъ оврагъ. Кромѣ того, рѣчка носитъ еще другое названіе Акъ-су, такъ какъ вода въ ней, отъ известковыхъ частицъ, имѣетъ грязно-бѣлый цвѣтъ. Названіе Акъ-су исключительно присвоено ей, а потому я впередъ и буду называть ее этимъ именемъ. Склонъ берега къ рѣчкѣ, какъ я уже сказалъ, довольно крутъ и весь усыянъ сплошь множествомъ камней, какъ большими, такъ и мелкими булыжникомъ; стоитъ только толкнуть сверху какой нибудь камень, побольше, чтобы масса мелкихъ, захваченныхъ на пути его скорымъ паденіемъ, съ шумомъ скатилась въ воду; быстрое теченіе рѣчки уноситъ ихъ внизъ на порядочное разстояніе, не смотря на препятствія представляемыя прочими камнями, изъ которыхъ состоитъ все русло рѣчки.

Арба поднялась на высшую точку подъема и медленно стала спускаться; спускъ былъ равенъ подъему. Нужно было, повернувъ вправо, обогнуть гору.

По сторонамъ дороги было разбросано множество скатившихся съ горъ огромныхъ камней. Дождавшись пока арба спустилась, мы сѣли въ нее. Долина раздѣлялась на двѣ части цѣпью холмовъ, идущихъ по срединѣ ея; намъ нужно было ѣхать лѣвѣе, черезъ мостъ на Акъ-су. Дорога была каменистая и очень неудобная, приходилось довольно часто проѣзжать черезъ множество рытвинъ и русель высохшихъ весеннихъ ручьевъ, усыпанныхъ булыжникомъ. Растительность, прекратившаяся въ началѣ ущелья, появилась снова, но жалкіе, полусохшіе кустики не могли производить пріятнаго впечатлѣнія. Горы, представшія здѣсь, предъ нашими глазами во всемъ своемъ чарующемъ разнообразіи, прівлекали къ себѣ все вниманіе. На право, на берегу Акъ-су, расло нѣсколько небольшихъ деревьевъ и подъ тѣнью ихъ стояло нѣсколько киргизскихъ кибитокъ; хозяевъ ихъ не было видно; старуха киргизка что-то

мыла въ рѣчкѣ и тутъ-же купалось нѣсколь-
ко ребятшекъ. Солнце поднялось на сто-
лько высоко, что вышло изъ за горъ и, освѣ-
тивъ долину, начало нагрѣвать воздухъ.
Становилось жарко.

Дорога, чѣмъ дальше, поднималась все выше
и выше; намъ приходилось ѣхать по лѣво-
му берегу Акъ-су, благодаря чему жара ощу-
щалась не такъ сильно, какъ это было бы
вдали отъ рѣки. Растительность была толь-
ко по берегу рѣки, но и тутъ росла пре-
имущественно трава, изрѣдка перемежась
съ небольшими кустиками барбариса. Горы,
какъ справа, такъ и слѣва, были голы, но
впередѣ, на нѣкоторыхъ видѣлась зелень.
Каждый кто когда либо ѣздилъ въ горахъ, хо-
рошо пойметъ, какую скуку долженъ чув-
ствовать проѣзжающій черезъ горы, лишен-
ный всякой растительности. Долго прихо-
дится ждать, пока проѣдешь мимо какой ни-
будь горы, въ особенности на арбѣ; медлен-
ность передвиженія выводитъ изъ терпѣнія,
тѣмъ болѣе, что глазъ утомляется, видя все
одно и то же; хочется разнообразія, ка-
кого нибудь новаго вида, а до него нужно
проѣхать еще порядочное разстоянiе.

Наконецъ стала появляться раститель-
ность; сначала она какъ-бы расширялась,
распространяясь постепенно отъ обоихъ бере-
говъ Акъ-су; затѣмъ показались и горы,
покрытыя растительностью, хотя довольно
скудною. Съ правой стороны онѣ становили-
ся выше, а съ лѣвой повышенiе ихъ было
почти незамѣтно, такъ какъ дорога тоже
повышается.

Немного погодя, мы подѣхали къ группѣ
деревьевъ; арбакешъ остановился на чет-
версть часа, чтобы напоить лошадей и рас-
прячь ее. Я, не выѣзая изъ арбы, разсма-
тривалъ гору, поднимающуюся съ лѣвой сто-
роны, близъ дороги. Гора эта зеленѣла тра-
вою и съ нея сбѣгали ручей, который тянулся
далеко впередъ, на довольно порядочной
высотѣ по склонамъ горъ; по теченiю его
зеленѣли кусты. Когда арба опять двинулась
впередъ, намъ стало встрѣчаться на дорогѣ
очень много другихъ, небольшихъ ручьевъ,
которые съ шумомъ сбѣгали въ рѣчку съ
наклонной мѣстности. Арба начинала замѣт-
но подниматься выше и выше и по немно-

гу оставляла Акъ-су внизу.

Растительность на горахъ становится бо-
гаче. Вотъ на лѣво въ концѣ широкой и
зеленѣющей долины, поднимается огромная
гора; съ верху до низу она покрыта зеленью,
а рядомъ съ ней такія-же горы, еще пеще...
Взоръ скользитъ по нимъ, постепенно опу-
скается ниже и ниже, пока не останавливает-
ся въ концѣ крутаго боковаго ската дороги,
который омывается шумящею рѣчкой.

Вотъ мы спустились и проѣхали Акъ су
по узкому и колеблющемуся мосту. Начи-
наютъ встрѣчаться деревья, а еще немного
погодя — появляются урюковые сады, огоро-
женные невысокими заборчиками изъ кам-
ней. Проѣзжаемъ и строенiя небольшого
кишлака, за которымъ вскорѣ начнется
Шахимарданъ. Встрѣтился еще мостъ; про-
ѣхали и его и опять ѣдемъ по берегу. Еще
богаче растительность. Изрѣдка между зе-
ленью встрѣчаются скатившіеся съ горъ
большіе камни и своимъ красновато-сѣрымъ
цвѣтомъ нарушаютъ однообразно-зеленый
сплошной покровъ долины, орошаемой бы-
строй и бурливой рѣчкой, которая блеститъ
на солнцѣ.

Черезъ часъ, приблизительно, стали встрѣ-
чаться шахимарданскіе сады; арба ѣдетъ воз-
лѣ самыхъ заборовъ, а Акъ-су постепенно
уходитъ къ югу.

Вотъ встрѣтилась еще горная рѣчка, бѣ-
гущая слѣва; вода ея, прозрачная, какъ стек-
ло, вливается въ Акъ-су и сажени на три
течетъ въ ней, не смѣшивая своей про-
зрачной воды съ мутной водою Акъ-су. Про-
ѣхавъ свѣтлую рѣчку, мы поднимаемся не-
много выше, потомъ, вскорѣ, въѣзжаемъ
въ крытую базарную улицу, поворачиваемъ
на лѣво и наконецъ останавливаемся у чай-
хане, возлѣ водяной мельницы. Мы въ Шахи-
марданѣ.

Было около часу. Такъ какъ мы не были
намѣрены оставаться ночевать въ Шахимар-
данѣ, а въ этотъ-же день думали ѣхать обрат-
но, въ Маргеланъ, то, не теряя времени,
сейчасъ-же поспѣшили отправиться на озеро
Кутбанъ-куль, находящееся въ 8 верстахъ
отъ Шахимардана къ юго востоку, надѣясь
на пути мелькомъ осмотрѣть кишлакъ. Проѣ-
дя немного по базарной улицѣ, мы свернули

въ переулочкѣ на лѣво и затѣмъ вышли на небольшую дорогу; по правую сторону ея шла цѣпь невысокихъ горъ; на ближайшихъ изъ нихъ къ кишлаку были строенія. На лѣво былъ спускъ внизъ. Тутъ протекала, встрѣтившаяся намъ прежде, свѣтлая рѣчка, которая называется Кара-су, такъ какъ вода ея, вслѣдствіе прозрачности и весьма небольшой глубины, имѣла черноватый цвѣтъ. За Кара-су тянулась долина, покрытая сплошь полями и садами, которые въ концѣ долины поднимались даже вверхъ, по скатамъ горъ, а протекавшій тамъ же арыкъ служилъ какъ-бы границею растительности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ этого высокаго арыка, идущаго по склонамъ горъ, сбѣгали внизъ другіе небольшіе арыки; они, какъ блестящія ленты, разсѣкали зелень полей и пробѣжавъ долину, вливались въ Кара-су. Мѣстность становится выше, а вмѣстѣ съ нею поднимается незамѣтно и дорога.

Каждую минуту приходится переѣзжать арыки, такъ какъ ихъ на пути встрѣчается очень много. Горы на право, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, становятся выше и выше. Всѣ онѣ лишены растительности и состоятъ преимущественно или изъ большихъ камней, или изъ конгломерата. Нерѣдко намъ попадались небольшіе ручейки, выходящіе иногда откуда нибудь изъ разсѣлины горы.

Сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ спусковъ, и столько-же подъемовъ, мы почувствовали усталость и, спустившись внизъ, расположились отдохнуть на берегу Кара-су подъ тѣнистымъ таломъ. Черезъ четверть часа отправились далѣе. Поднявшись немного къ подошвѣ горы и пройдя небольшое расстояние между горами и вершинами внизу растущихъ деревьевъ, мы опять спустились къ берегу рѣчки. Веселѣе было идти берегомъ; кругомъ зеленѣетъ долина, а Кара-су мчится на встрѣчу. Не успѣваешь слѣдить за быстротой ея теченія; быстро скользитъ по водѣ какая нибудь вѣтка, то скроется она подъ водою при спускѣ ударяющейся о камень волны, то опять покажется на поверхности, уже далеко и опять скроется. Прозрачныя

волны, ударяясь каждую минуту о камни, превращаются въ мельчайшія брызги и взлетаютъ высоко вверхъ.

Благодаря часто встрѣчающимся въ рѣчкѣ камнямъ, черезъ которые она пробивается, почти на каждомъ шагу встрѣчаются небольшіе водопады; иногда какой нибудь огромный камень (а такихъ не мало разбросано по долинѣ), какъ мостъ лежитъ на рѣчкѣ, и изъ подъ него съ шумомъ прорывается вода, которой, кажется, ничто не можетъ представить преградъ. Разрушающая сила ея побѣждаетъ всѣ препятствія, встрѣчающіяся на пути: тутъ смоешь она неровность почвы, тамъ сдвинетъ большой камень и бѣшено мчится впередъ шумнымъ, хотя и небольшимъ, потокомъ.

Кара-су носитъ еще названіе—Иордана, отъ горнаго селенія, расположеннаго выше. Не знаю почему существуетъ между туземцами преданіе, что на этой, именно, рѣчкѣ жилъ и проповѣдовалъ Исса - пайгамбаръ, т. е. Иисусъ Христосъ; преданіе это конечно, нелѣпо, но однако оно существуетъ, и туземцы увѣрены въ его справедливости.

На горахъ, съ правой стороны долины, виднѣются кое гдѣ небольшія ели, а въ самой долинѣ растительность становится скуднѣе. Деревьевъ уже нѣтъ, растетъ только трава, пробиваясь между камнями.

Вотъ наконецъ показалось ущелье, загроможденное глыбами земли и массами камней. Сначала мнѣ показалось, что до него очень близко, однако пришлось идти съ добрыхъ полчаса, пока мы дошли до 2—3 деревьевъ, растущихъ возлѣ горы въ самомъ концѣ долины. Здѣсь мы остановились ненадолго, чтобы отдохнуть передъ труднымъ и утомительнымъ подъемомъ на гору.

Подъ деревьями, изъ щели горы, пробивается Кара-су, которой, какъ видно, и огромный обвалъ не представилъ преграды; она сохранила свое русло; размывъ обрушившуюся на нее почву, она пробила себѣ путь въ темныхъ нѣдрахъ горы и, глухо шумя по извилинамъ русла, выбѣжала на свѣтъ еще съ большою быстротой.

Компаньонъ мой сказалъ, что на верху щели, надъ рѣчкой находится небольшая пещерка, въ которой есть сталактиты. Я, поль-

взясь временемъ отдыха, взобрался по крутому обрыву на верхъ, рискуя слетѣть къ рѣчку съ порядочной высоты, скоро отыскалъ пещерку, но къ неудовольствію моему, въ ней оказались только зачатки стадакти-товъ. Попавшимся подъ руку камнемъ я старался отшибить хоть одинъ кусочекъ; но они были на столько твердо прикрѣплены къ потолку, что при каждомъ ударѣ только разсыпались. Перепортивъ ихъ множество, мнѣ удалось наконецъ сшибить два кусочка. Пришлось ограничить ея этимъ приобрѣтеніемъ. Я спустился. Подъемъ на вершину горы, образовавшейся вслѣдствіе обвала, на первыхъ порахъ не представлялся затруднительнымъ. Узкая и не крутая тропинка вела вверхъ, извиваясь между огромными глыбами, оторванными отъ горъ, но затѣмъ подъемъ становился круче и идти было не такъ легко. Порядочно нужно было пройти, чтобы миновать первый подъемъ; затѣмъ начался второй еще, круче перваго. Тропинка совершенно терялась между валявшимися вездѣ камнями. Мы пошли прямо, не разбирая дорожки. Чуть не черезъ каждые 10—15 шаговъ, сажались мы отдыхать, такъ какъ путь былъ очень утомителенъ, тѣмъ болѣе для меня, не привыкшаго къ ходьбѣ по горамъ. Кругомъ валялся щебень, въ перемежку съ огромнѣйшими глыбами конгломерата. При взглядѣ на этотъ хаосъ невольно появляется мысль объ обвалѣ. Когда и вслѣдствіе какихъ причинъ онъ совершился, этого, конечно, не скажетъ ни одинъ старожилъ, даже маусайловъ вѣкъ.

Очень давно, можетъ быть нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, отъ дѣйствія воды во время существованія ледниковъ (если таковыя здѣсь были), или вслѣдствіе сильнѣйшаго землетрясенія, отъ котораго со стономъ и шумомъ дрожали всѣ горныя громады и трепетали окрестные жители, отъ соединенныхъ на лѣво, двухъ каменныхъ горъ, оторвалась половина и, обрушившись всей этой массою, завалила ущелье, засыпавъ рѣчку и широко разбросавъ раздробленные камни. Но рѣчка, какъ мы видѣли, пробилась себѣ путь не смотря на преградившія ей путь массы камней.

Пройденъ и второй подъемъ, остался еще

одинъ—третій и послѣдній. Надежда, что скоро конецъ этимъ утомительнымъ подъемамъ, придала намъ бодрости. Пробравшись по тропинкѣ между камнями, мы взобрались на гребень раздѣляющей долину преграды, и предъ нами открылся прекрасный видъ горнаго озера Кутбанъ-куль. Озеро было сажень на десять ниже насъ; мы спустились къ самому берегу.

Чистая, синеватая вода Кутбанъ-куля немного волновалась отъ легкаго вѣтра, дующаго съ юга. Озеро находилось въ котловинѣ; горы съ трехъ сторонъ окружали его: южный берегъ былъ совершенно плоскій и изобилывалъ растительностью. Съ этой стороны въ озеро впадала Кара-су. Въ ширину озеро было менѣе полуверсты, а длиною сажень въ пятьдесятъ. Впрочемъ величина озера не постоянная. Ранней весной озера этого вовсе не существуетъ: по дну его течетъ только Кара-су и потомъ скрывается въ разсѣлинѣ горы. Киргизы, кочующіе въ горахъ, пользуются этимъ временемъ для перехода черезъ озеро, такъ какъ другой удобной дороги по близости нѣтъ. Есть, впрочемъ, небольшая тропинка, идущая справа съ одной стороны озера на другую, по склону крутой горы, спускающейся въ озеро; но тропинка эта на столько узка, что по ней нельзя пройти, не рискуя свалиться въ озеро. По необходимости, приходится пользоваться и этой тропинкой, разумѣется, только пѣшимъ, животныхъ-же переправляютъ вплавь. Съ правой стороны озера, на горахъ растутъ небольшія ели, но въ очень маломъ количествѣ. Слѣва-же возвышается высокая, бѣловатаго цвѣта гора; гладкій и крутой скатъ ея опускается въ озеро.

Въ концѣ долины, лежащей съ южной стороны, за озеромъ, идетъ замыкающая ее горная цѣпь. Въ этомъ мѣстѣ долина поворачиваетъ къ востоку. Съ сѣверо-восточной стороны горы не имѣютъ никакой растительности.

Три большихъ камня лежатъ въ озерѣ, возлѣ того берега, гдѣ мы стояли, но на нихъ взобраться было нельзя, такъ какъ между ними и берегомъ было около сажени разстоянія. Отдохнувъ немного на одномъ изъ камней, вдающихся въ озеро, мы стали под-

ниматься обратно. Спускаться было очень легко, и мы скоро оставили позади себя крутой подъемъ, на который нѣсколько времени тому назадъ взбирались съ трудомъ. Намъ нужно было поспѣшать въ Шахимарданъ, такъ какъ время приближалось къ вечеру.

Не смотря на то, что мы нигдѣ уже больше не останавливались, да и мѣстность благоприятствовала скорому возвращенію, ибо по мѣрѣ приближенія къ киплаку она становилась ниже, мы все таки пришли на мѣсто черезъ часъ слишкомъ.

Немедленно принялись мы уничтожать готовый и давно ожидающій насъ пловъ и чай. Было часовъ около пяти, а мы съ самаго утра ничего не ѣли; разумѣется усталость и голодъ возбудили въ насъ сильнѣйшій аппетитъ и скоро отъ плова осталось одно воспоминаніе, — принялся за чай и начали собираться въ обратный путь.

Раньше я говорилъ, что мы проѣхали слияніе Акъ-су и Кара су; съ мѣста этого слиянія и начинается Шахимарданъ; онъ расположенъ въ треугольникѣ, образуемомъ слияніемъ двухъ рѣчекъ и цѣпью горъ, которыя составляютъ его южную границу. Съ этой стороны долина раздѣляется на двѣ; въ одной — южной течетъ Акъ-су, а въ другой, восточнѣе — Кара-су. Мѣсто, занимаемое строеніями не велико; я не говорю о поляхъ и садахъ, разбросанныхъ отъ него далеко во всѣ стороны, по долинамъ и склонамъ горъ.

Небольшая базарная улица, считающаяся главной, замыкается горой, на которой построена мечеть въ честь святаго, по имени котораго киплакъ получилъ свое названіе. Такъ какъ мечеть считается не послѣдней святыней туземнаго населенія, то въ Шахимарданъ часто стекаются изъ городовъ Ферганы для поклоненія гробницѣ святаго.

Наслажденіе прекрасной, горной природой киплака иногда нарушается.

Нерѣдко въ самое жаркое, лѣтнее время, напр. въ іюль мѣсяцѣ, бываетъ ночью холодъ. Вѣтеръ нагоняетъ ночью тучи съ Алайскихъ горъ и выпадаетъ иногда порядочный снѣгъ, который, впрочемъ, съ появленіемъ солнца, быстро таетъ.

Солнце опускалось за горы и въ кипла-

къ начала распространяться тѣнь... Блестѣли только вершины горъ, освѣщаемыя заходящимъ солнцемъ. Туманъ сталъ спускаться въ долину и прохлада отъ рѣчки увели-

чивала наступающую вечернюю прохладу. Люди вернулись съ полей; киплакъ оживился. Мы выѣхали часовъ въ шесть. Скоро миновали Шахимарданъ, спустились къ рѣчкѣ и поѣхали берегомъ. Лошадь шла бодро. Пониженіе мѣстности было замѣтно.

Наступила ночь, — прекрасная и тихая. Милліоны звѣздъ блестятъ на темно-синемъ сводѣ неба и мерцаютъ, какъ-бы любуются съ высоты на спящую природу. А кругомъ горы и горы... Какъ сонные гиганты стоятъ онѣ, упираясь головами въ небо и поддерживаютъ этотъ огромный куполь, отягченный безчисленнымъ множествомъ свѣтилъ; быстро подхватываютъ онѣ каждый крикъ и явственно повторяя его, передаютъ другимъ, болѣе отдаленнымъ, а тѣ, въ свою очередь, гонятъ его дальше и дальше, пока онъ, несясь впередъ перекатнымъ эхомъ и постепенно ослабѣвая, не замретъ гдѣ-то тамъ, въ безконечной дали... А тутъ внизу мчится шумная рѣчка и не видать въ темнотѣ ея бурливыхъ волнъ; а между тѣмъ онѣ яростно бросаются вверхъ отъ сильныхъ ударовъ о камни, разбиваются въ мельчайшія брызги и осыпаютъ лице влажною пылью...

Но вотъ изъ за высокой горы выглянулъ вдругъ край блестящаго диска; мгновенно бросаются отъ него милліоны, какъ и онъ блестящихъ, лучей; они спѣшатъ разогнать господствующій мракъ и освѣщаютъ нѣжно-блѣднымъ свѣтомъ уснувшую долину и горы. И бѣжитъ, быстрѣе взора, побѣжденный мракъ, чувствуя свое безсиліе для борьбы съ такими могучими гонцами, прячется за каждой горой и въ каждой тѣснинѣ и исчезаетъ далеко, далеко впереди за вершинами блестящихъ гигантовъ...

Тихо плыветъ по спокойному, чистому небу увѣчанная лучистымъ сіяніемъ луна и затемняетъ собою окружающія ее, прежде блестящія звѣзды; глядитъ она съ высоты на спящую природу и смотритъ въ рѣчку, — а та, безпокойная, играетъ ея блестящимъ отраженіемъ и, разбивая, отражаетъ его въ каждой мельчайшей каплѣ на кипящихъ греб-

нихъ своихъ волнъ...

Наконецъ усталость беретъ свое; я послѣдовалъ примѣру моего компаньона, который уже храпѣлъ; завернулся въ одѣяло и также скоро уснулъ.

Проснулись мы возлѣ самаго ущелья, при выходѣ изъ долины. Нужно было выходить изъ арбы, такъ какъ лошадь, которую велъ въ поводу арбакешъ, поднимаясь къ ущелью, могла чего нибудь испугаться и свалить насъ въ оврагъ. По небу носились тучки и скрывали луну; было темно и дулъ сильный, теплый вѣтеръ, шума между горами и прорываясь въ ущелье. Въ Вуадиль мы прѣехали около часу ночи. Вездѣ было тихо. Захватвъ въ караванъ-сарай, арба остановилась и мы опять предались прерванному сну.

Утромъ, напившись чаю, выѣхали мы часовъ въ 8-мь изъ Вуадилы. Разъ останавливались не на долго возлѣ знакомаго уже пруда и затѣмъ, часовъ около двухъ, были въ Маргеланѣ.

А—ъ.

Изъ Чарджуя.

I

30 октября прошлаго года было открыто временное движеніе по Закаспійской желѣзной дорогѣ, до Чарджуя, на Аму-дарьѣ.

Судя по опредѣлившемуся значенію дороги и всеобщему ожиданію еще большихъ услугъ съ ея стороны при условіи дальнѣйшаго ея проведенія, можно было надѣяться, что немедленно же будетъ приступлено къ работамъ на Самаркандскомъ участкѣ, тѣмъ болѣе, что въ принципѣ это было уже рѣшено и предварительныя изысканія главной линіи были представлены еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Но на этотъ разъ, при разрѣшеніи вопроса о постройкѣ дальнѣйшаго участка Закаспійской дороги, признано было необходимымъ примѣнить нѣсколько иной порядокъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ при всѣхъ предшествовавшихъ желѣзнодорожныхъ постройкахъ военнаго вѣдомства. Такъ на примѣръ, прежде всего было потребовано представленіе не только предвари-

тельныхъ, но и исполнительныхъ изысканій, что главнымъ образомъ и задержало утвержденіе проекта.

Затѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи правъ завѣдывающаго постройкою; вызвано это было тѣмъ, что, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, при сооруженіи участка Закаспійской желѣзной дороги отъ Кизылъ-Арвата до Аму-дарьи, завѣдывающему постройкою были предоставлены разныя права, намѣченныя лишь въ общихъ чертахъ, но что, между тѣмъ, оставался весьма существенный пробѣлъ въ опредѣленіи, какъ сферы власти самаго строителя по многимъ хозяйственно-операционнымъ вопросамъ, обусловливаемымъ мѣстными особенностями отдаленнаго края, такъ и порядка подчиненія его высшимъ административнымъ органамъ Военнаго министерства.

Для выполненія этого пробѣла, первоначально предполагалось представить на утвержденіе, въ законодательномъ порядкѣ, особое положеніе о постройкѣ Самаркандскаго участка желѣзной дороги. Но Департаментъ Экономіи Государственнаго Совѣта нашелъ неудобнымъ утвердить въ законодательномъ порядкѣ составленный проектъ положенія, на томъ основаніи, что заключившіяся въ немъ подробности могли подлежать различнымъ измѣненіямъ по указаніямъ опыта. Между тѣмъ, въ случаѣ Высочайшаго утвержденія этого положенія, всякое въ немъ измѣненіе могло бы имѣть мѣсто также лишь въ законодательномъ порядкѣ, на что въ каждомъ случаѣ потребовалось бы не мало времени, въ теченіи котораго ходъ работъ по сооруженію желѣзно-дорожной линіи легко могъ бы замедлиться.

По этому было признано болѣе удобнымъ и соотвѣтственнымъ цѣлямъ успешнаго сооруженія дороги, ограничиться утвержденіемъ къ законодательному порядкѣ лишь главныхъ основаній относительно порядка и способа сооруженія Самаркандскаго участка; что же касается до подробностей, то ихъ предположено сгруппировать въ особую „инструкцію завѣдывающему постройкою желѣзной дороги“, причемъ редація ин-

Изъ жизни дальнихъ туркестанскихъ городовъ.

Городъ Кокандъ, Ферганской области.

Прошло уже почти 10 лѣтъ со дня за-
тѣя Коканда нами, русскими. Съ тѣхъ поръ
городъ этотъ, изъ столицы одного изъ зна-
чительнѣйшихъ средне-азіатскихъ ханствъ,
превратился въ русскій уѣздный городъ. Не
безъинтересно, какъ мы полагаемъ, узнать,
что онъ представляетъ изъ себя въ настоящее
время.

На всѣхъ картахъ городъ нашъ пазывает-
ся „Коканъ“, такъ-же пишется онъ иног-
да и въ официальныхъ бумагахъ; по пра-
вильнѣе писать его «Кокандъ», или даже
«Хокендъ». Это доказывается всѣми мѣст-
ными, сохранившимися ханскими монетами,
на которыхъ выбито совершенно ясно: «Хо-
кендъ-литифъ» (пріятный) и образованіемъ
слова Кокандъ, которое составилось изъ двухъ
словъ: *хокъ* (по персидски—свинья) и *кендъ*
(узбекское—поселеніе, мѣсто); слѣдовательно
слово Хокъ-кендъ значитъ: свиное мѣсто. Та-
кое, нельзя сказать красивое названіе, ука-
зываетъ, по словамъ туземцевъ, на существо-
ваніе въ этомъ мѣстѣ, до основанія города,
большихъ, камышевыхъ болотъ, въ которыхъ
водились въ изобиліи дикія свиньи—кабаны.
Это весьма вѣроятно, потому что положеніе
города замѣчательно низменное: достаточно
раскопать землю аршина на два, какъ уже
показывается грунтовая вода, а верстахъ въ
30-ти отъ города, къ р. Сыръ-дарьѣ, въ ка-
мышистыхъ болотахъ и теперь еще охотни-
ки находятъ цѣлыя стада кабановъ.

Городъ нашъ имѣетъ видъ вытянутаго съ
сѣвера на югъ многоугольника, по большой
оси имѣющаго около 7-ми, а по меньшей—
около 6-ти верстъ, въ центрѣ котораго рас-
положена цитадель или урда. Бывшая сто-
лица ханства, резиденція хана, Кокандъ вмѣ-
стѣ съ тѣмъ былъ и есть въ настоящее вре-
мя самый значительный по количеству насе-
ленія, торговлѣ и промышленности городъ
Ферганы и даже всего бывшаго ханства Ко-
кандскаго. Туземнаго населенія въ Кокандѣ
числится до 60,000 чел. Наружность города

обыкновенная, присущая всѣмъ азіатскимъ го-
родамъ: безконечныя, глиняныя стѣны и ма-
занки съ плоскими крышами, узкія и кри-
выя до нельзя улицы. Затѣя нами окон-
чательно 3-го февраля 1876 года, Кокандъ
былъ сдѣланъ областнымъ городомъ Ферганы;
но уже черезъ годъ управленіе областью бы-
ло перенесено въ г. Маргеланъ. Причина
этому—нездоровый климатъ Коканда, слѣд-
ствіемъ котораго являются сильныя лихорад-
ки; но болѣе всего напугала русскихъ мѣст-
ная и почти исключительно принадлежащая
Коканду (*) болѣзнь зобъ. Причины заболѣ-
ванія зобомъ, не смотря на всѣ усилія док-
торовъ, до сихъ поръ еще не выяснены; нѣ-
которые думаютъ, что заболѣваютъ зобомъ
отъ воды, другіе-же, какъ на примѣръ тузем-
ные врачи, полагаютъ, что зобъ происходитъ
отъ употребленія въ пищу одного изъ сор-
товъ дынь. Вѣрнѣе, что болѣзнь эта зарож-
дается не отъ одной изъ вышесказанныхъ
причинъ въ частности а отъ цѣлой совокуп-
ности анти-гигіеническихъ условій туземной
жизни, исключительно присущихъ городу Ко-
канду. Отчего-бы ни происходили зобы, тѣмъ
не менѣе, не ошибаясь значительно, можно
сказать, что по крайней мѣрѣ 10%, изъ все-
го туземнаго населенія страдаютъ этою бо-
лѣзнию. Зобъ появляется сначала въ ви-
дѣ небольшой опухоли на шеѣ, около горла,
и черезъ несколько времени достигаетъ иног-
да размѣровъ большой тыквы, доставляя боль-
ному много затрудненій. Развивается зобъ,
говорятъ, въ теченіи лѣтъ 20-ти. У русскихъ
впрочемъ не встрѣчалось до сихъ поръ пол-
наго или даже значительнаго развитія зоба;
хотя зачатки его и замѣчаются нерѣдко, но
успѣшно лѣчатся разгоняющими опухолю сред-
ствами, напр. іодомъ. У туземцевъ зобъ ле-
чится привозимымъ изъ Китая лекарствомъ,
чинъ-дара; это ничто иное, какъ морская во-

(*) Въ другихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края зобъ не встрѣчается.

доросль, а такъ какъ всѣ морскія водоросли обилуютъ іодомъ, то понятно почему и чиньдора приноситъ пользу при леченіи зоба.

Что касается мѣста, выбраннаго близъ Маргелана, для постройки тамъ областного города, то оно оказалось гораздо нездоровѣе Коканда: тамъ лихорадки появляются еще чаще или по крайней мѣрѣ появлялись прежде, до осушенія болотъ, и дѣйствіе ихъ еще интенсивнѣе, хотя зобовъ въ Маргеланѣ и нѣтъ. Причина упорства лихорадокъ, какъ въ Кокандѣ, такъ и въ Маргеланѣ — неизменное положеніе обоихъ этихъ городовъ, а также обиліе рисовыхъ полей, начинающихся, какъ напр. въ Кокандѣ, тотчасъ-же за городской стѣной и занимающихъ огромное пространство, въ нѣсколько десятковъ верстъ.

Русскихъ жителей въ настоящее время числится въ Кокандѣ до 300 человекъ: служащихъ, торгующихъ, промышленниковъ и пр., не считая военныхъ. Послѣ удаленія изъ Ферганы хана и его ближайшихъ родственниковъ, достались намъ: его урда (дворецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цитадель города) и нѣсколько садовъ съ домами, какъ-то: Насръ-Эддинъ-бекъ-багъ, Авганъ-багъ, Ургенчъ-багъ и пр.; занято русскими также одно изъ громаднѣйшихъ медресе Коканда, „Календархане“, гдѣ помѣщается баталіонъ солдатъ и военный лазаретъ. Въ урдѣ и въ бывшихъ ханскихъ садахъ, отдающихся казной въ аренду, а также въ мѣстности, прилегающей къ урдѣ, размѣщается все русское населеніе города. По близости урды пріютились также русскія лавки и базаръ съ съѣстными припасами и мелочнымъ товаромъ для русскихъ. Въ урдѣ помѣщаются военныя управленія, церковь, училища — мужское и женское, телеграфная станція, и пр.

Русское общество въ Кокандѣ почти исключительно военное. Живется здѣсь, понятное дѣло, не весело. (См. Турк. Вѣдом. № 28, корреспонденція изъ Коканда). Скукъ или даже тоскъ не мало способствуетъ и разбросанность жилищъ русскихъ по всему сартовскому городу. Причина тому, что русская часть города до сихъ поръ въ Кокандѣ еще не строилась, какъ въ другихъ городахъ Ферганы; центромъ русскаго населенія

въ Кокандѣ была урда, въ которой помѣщались раньше, да и теперь еще помѣщаются почти всѣ казенныя заведенія и квартиры служащихъ; слѣдовательно и не было особенной надобности торопиться постройкой города. Въ этомъ отношеніи Кокандъ является какимъ-то обиженнымъ судьбой городомъ; постройка русскихъ частей въ другихъ городахъ началась тотчасъ-же по занятіи ихъ русскими, и, благодаря ссудамъ отъ казны служащимъ лицамъ, новые города теперь развились уже на столько, что въ нихъ возможенъ хотя какой-нибудь европейскій комфортъ. Не то въ Кокандѣ: русская часть его еще въ проектѣ, а обыватели по прежнему перебиваются въ сартовскихъ квартирахъ. Интересны эти квартиры: всѣ они передѣланы изъ сартовскихъ сакель, но конечно, никто не подумаетъ, что сарты настолько просты, что уступили намъ хорошіе дома, хотя-бы и за ту плату, которую они съ насъ берутъ. Занятая русскими постройки — большею частью полуразрушающіяся сакли, съ скорпіонами, сороконожками и тому подобными прелестями, совершенно негодныя и ненужныя туземцамъ, потому что расположены эти постройки близко къ русскимъ, чего сарты не любятъ. Если что-нибудь развалится изъ этихъ воздушныхъ построекъ (изъ сырцеваго кирпича, а въ большинствѣ изъ комковъ земли), то сарты и не думаютъ ихъ ремонтировать: хочетъ квартирантъ, такъ пусть исправляетъ по своему вкусу, а нѣтъ — пусть ищетъ другую квартиру, которую, къ сожалѣнію, и искать-то негдѣ. Съ насъ, русскихъ сарты берутъ за одну или двѣ комнаты въ этихъ „скорпіоновкахъ“ отъ 5-ти до 15 руб.; своимъ-же, сартамъ, такое помѣщеніе отдадутъ за 1 р. или 2 р. въ мѣсяць; да какой-нибудь мало-мальски зажиточный сартъ еще и не будетъ жить въ такихъ развалинахъ! Вообще нужно замѣтить, что цивилизуемые нами сарты быстро къ намъ примѣняются въ нѣкоторомъ отношеніи, именно тамъ, гдѣ можно отъ насъ поживиться; тогда они не даютъ маха. Это очень замѣтно и по цѣнамъ на всѣ жизненные продукты: цѣны эти для русскихъ обязательно раза въ 1½ а то и 2 раза выше, чѣмъ для туземцевъ.

Въ настоящее время постройка русской части города уже началась, но бѣда въ томъ, что городъ, кажется, будетъ развиваться очень туго: народъ здѣсь все небогатый, слѣдовательно врядъ-ли кто можетъ положить на домъ сотни, а то и цѣли тысячи рублей. Развѣ найдутся ловкіе люди изъ туземцевъ, которые построятъ дома въ русской части и будутъ, по прежнему, тинуть съ насъ безбожныя цѣны.

Что-же касается жизни населенія туземнаго города, то во всемъ Туркестанскомъ краѣ нигдѣ она не измѣнилась такъ мало, какъ въ Кокандѣ (я говорю конечно за время русскаго владычества), относительно нравовъ, обычаевъ и проч. Причиною того—какъ малочисленность русскихъ, такъ и средоточіе въ Кокандѣ, бывшей столицѣ ханства, наиболѣе вліятельныхъ, богатыхъ и мусульмански образованныхъ (а слѣдовательно и болѣе фанатичныхъ) туземцевъ. Это сразу бросается въ глаза тому, кто имѣлъ возможность проѣзжать черезъ многіе города Туркестанскаго края. Жители здѣсь очевидно меньше привыкли къ русскимъ, а иногда бываютъ случаи, что они, не стѣсняясь, показываютъ даже свою враждебность. Не даромъ покойный начальникъ Туркестанскаго края, К. П. фонъ-Кауфманъ, въ приказѣ объ осмотрѣ городовъ Ферганы (1880 г.) выразился приблизительно такъ: „наибольшей непривѣтливостью отличается населеніе г. Коканда и его уѣзда“. Чтобы парализовать хотя отчасти нашу малочисленность, кажется слѣдовало-бы болѣе равномерно размѣстить войска области, сосредоточенныя теперь главнымъ образомъ въ г. Маргеланѣ (новый Маргеланъ отстоитъ отъ сартовскаго на 7 вер.). Сосредоточеніе всѣхъ управленій и войскъ въ одномъ пунктѣ, безпорно имѣя за собой спеціальныя выгоды, вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ прямо въ ущербъ развитію другихъ русскихъ городовъ, страдающихъ малочисленностью русскихъ жителей, что, конечно, замедляетъ не только наши успѣхи по обрусѣнію края, но даже и знакомство съ нами туземцевъ. Говорятъ, не знаю на сколько это вѣрно (слышалъ я отъ туземцевъ), что будто-бы въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ: Кокандѣ, Маргеланѣ и даже Ташкентѣ, есть

такіе фанатики-туземцы, которые до сихъ поръ не хотятъ признать самаго факта занятія нами этихъ городовъ; по этому, скрываясь въ глуши города, они-даже не видѣли ни разу русскаго. Не безъизвѣстно также, что родители-сарты устрашаютъ своихъ дѣтей не такъ какъ у насъ, въ простонародѣ „бука, буква“, а «урусъ, урусъ»; эти два, по-видимому, мелочныя факта, указываютъ, какъ мало еще съ нами знакомы туземцы. Первое-же средство противъ этого—возможно частыя сношенія между русскими и туземцами, что достижимо тогда только, когда русскихъ въ городахъ будетъ значительно больше, а не такъ, какъ теперь—капля въ морѣ.

Ферганецъ.

НАМАНГАНЪ.

(Очеркъ).

Живописно раскинутъ Наманганъ, теперь второй, послѣ Кокана, городъ въ ханствѣ. Находясь въ 15 верстахъ отъ впаденія Гулишана въ Сыръ, онъ тонетъ въ зелени окружающихъ его садовъ, сверкая своими многочисленными минаретами. Двѣ ирригаціонныя канавы: Падша-Ата и Янгерькъ, питаютъ его поля и сады, составляя сами верхъ труда, до котораго когда-либо достигалъ человекъ на этомъ облѣнившемся востокѣ. Спросите напр. любого коканца, сарта, узбека, или даже самаго дикаго киргиза: каковъ Наманганъ? „У! отвѣтятъ вамъ, *чокъ-якши*“ (весьма хорошъ) и прищелкнутъ, по азіатской привычкѣ, языкомъ. Намъ говорилъ одинъ киргизскій *бий* (окружной начальникъ), что это такой городъ, который не обойдти кругомъ въ два дня, что его базаръ несравненно обширнѣе базаровъ Кокана, его мечети великолѣпнѣе таншкентскихъ, его сады... роскошнѣе какихъ нѣтъ и на свѣтѣ. Въ самомъ же дѣлѣ, Наманганъ составляетъ въ окружности верстъ 15 и, что всего удивительнѣе, не имѣетъ, какъ почти всѣ коканскіе города, никакихъ укрѣпленій. Это свободный, мирный, торговый городъ, населенный большею частью узбеками племени Джагатай.

Кривыя и грязныя его улицы сходятся, въ видѣ радіусовъ, къ одной точкѣ — базару. Базарная площадь застроена тремя *караванъ-сараями*: Биги, Дебгизъ и Маулеви, изъ которыхъ каждый представляетъ четыре - угольникъ, обнесенный стѣною съ одними воротами. Въ каждомъ караванъ-сарай вънутренняя площадка остается пустою для выгрузки товаровъ, а вдоль стѣнъ придѣланы глиняныя лавки, назначаемыя собственно для пріѣзжихъ купцовъ. Такія лавки устраиваются почти всегда съ *айваномъ* (галлереею), а если зданіе двухъ-этажное, то айванъ имѣетъ назначеніе поддерживать 2-й этажъ. Съ наружной стороны стѣнъ этихъ караванъ-сараявъ расположены ряды открытыхъ ларей — это лавки мелочныхъ городскихъ торговцевъ. Народъ вѣчно

толпится вокругъ и внутри этихъ торговыхъ центровъ и застѣваетъ въ чайныхъ заведеніяхъ, которыхъ здѣсь не мало. Близъ караванъ-сарая Маулеви стоитъ большая мечеть, сдѣланная изъ обожженаго кирпича съ раскрашеннымъ айваномъ. Она обнесена стѣной, къ которой съ внутренней стороны примыкаетъ небольшое строеніе. Тутъ живутъ муллы и помѣщается единственное въ цѣломъ городѣ медресе (училище). Какъ самая мечеть, такъ и медресе содержатся на счетъ доходовъ съ караванъ-сарая Маулеви.

Всѣхъ мечетей въ Наманганѣ будетъ болѣе 100. Замѣчательно, что большая часть ихъ — *Джали* — соборныя, т. е. такія, гдѣ читаютъ молитву по пятницамъ. Лучшія изъ мечетей слѣдующія: 1) *Алифъ-Ходжа* — кирпичная, оштукатуренная, съ айваномъ и *мембаромъ* — нѣчто въ родѣ открытой каедры, сложенной изъ глины, откуда муэzzинъ читаетъ обычный призывъ на молитву. Потолокъ въ самой мечети и въ айванѣ выкрашенъ разноцвѣтными красками; крыша плоская, безъ купола. Вокругъ Алифъ-Ходжа построены 8 *фурджей*, или небольшихъ глиняныхъ мазанокъ, гдѣ живутъ муллы и учатъ приходящихъ. На площади предъ мечетью находится *хаусъ* (водоемъ), имѣющій видъ колодца, огражденнаго тальникомъ. 2) *Азисъ-Ходжа* — также кирпичная мечеть, но безъ айвана; фурджей около нея 15 или 16. 3) *Маулеви-Базаръ-Ахунъ*, выстроенная на самомъ берегу канавы Падша-Ата. 4) *Хальпа-Хуссейинъ*. Наконецъ, 5) *Азисъ-Хальпа* — маленькая изъ кирпича мечеть, едва вмѣщающая въ себѣ до 40 челов.

Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, что въ такомъ не очень большомъ городѣ столь значительное число мечетей. Но эта особенность коканскихъ городовъ, которой вы не найдете въ другихъ ханствахъ Средней Азии, т. е. Хивѣ и Бухарѣ, происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что коканцы любятъ селиться на большихъ пространствахъ. Такъ и въ Наманганѣ: въ немъ сады такъ часты и занимаютъ столь большія площади, что мазанковые (сложенные изъ глины) дома приходится удаленными другъ отъ друга на почтенныя разстоянія. Это-то разъединеніе жилищъ и заставляеть жителей, по врожденной имъ лѣни, имѣть много молеленъ или мечетей.

Главное неудобство наманганскихъ улицъ заключается въ томъ, что онѣ перерыты арыками — канавами, которыя

проведены во все сады. Наружный видъ улицъ непривлекателенъ, потому что красивыхъ домовъ на нихъ нѣтъ, а тянутся все глиняные заборы, между которыми кой-гдѣ торчатъ мазанки, накрытыя плоскими крышами. Только зелень плодовыхъ и тутовыхъ деревьевъ скрываетъ это внутреннее безобразіе города. Но обратимся къ городской жизни.

Центръ наманганскаго движенія — это описанная нами базарная площадь съ тремя караванъ-сараями. Хотя мелочной торгъ производится здѣсь ежедневно, но мы поведемъ съ собою читателя въ одинъ изъ такъ называемыхъ базарныхъ дней, бывающихъ два раза въ недѣлю. Полдень. Въ воздухѣ жарко до духоты, до нестерпимости. Изъ улицъ постепенно прибываетъ народъ къ базару. Вотъ небольшой караванъ, верблюдовъ въ двѣсти, повернулъ во дворъ караванъ-сарая Дегбизъ. Часть толпы хлынула туда, чтобы посмотреть новыя товары и, если возможно, узнать новости. Говоръ и шумъ усиливаются. Около ларей группируются покупатели, разсматривая кушаки, зеркальца, ножи, ножницы, замки, пуговицы, разныя подвѣски и бездѣлушки. Вотъ одинъ, пользуясь дозволеніемъ продавца, чиркнулъ зажигательную спичку: она вспыхнула, загорѣлась и собрала вокругъ себя порядочный кружокъ. Началось жженіе спичекъ, но уже за деньги. Въ другомъ мѣстѣ почти такая же исторія происходитъ съ пружиннымъ волчкомъ. Волчки раскупаются съ неподдѣльною радостью; каждый старается завести ихъ и пустить въ ходъ. Это наши будущіе сосѣди въ Средней Азіи, англичане, насылаютъ сюда всякой дряни, рассчитывая на праздную безпечность и невѣжество коканцевъ. Далѣе у ларей со сладостями, гдѣ навалены кучами винограды, кишмишъ (мелкій изюмъ), дыни и проч., стоятъ кучками лакомки и тратятся безрасчетно. Заглянемъ въ чайныя заведенія: тамъ у столовъ сидитъ народъ, усердно предающійся чаепитію. При тѣснотѣ этихъ импровизованныхъ трактировъ (шалашей) воздухъ въ нихъ чрезвычайно спертъ и удушливъ. Тутъ засѣдаютъ бухарцы, хивинцы и туземные жители — по большей части купцы, но разговоры ведутся не все на однѣ торговыя темы. Вотъ образчикъ одного изъ разговоровъ:

— Давно изъ Ташкента?

— Только вчера...

— Ну что тамъ? Какъ хлопокъ?

— Тихо... Ташкентцы... да стоитъ ли объ нихъ гово-

рить! Конечно они теперь не въ нашей волѣ. Но торговля тамъ идетъ хорошо! На дняхъ батманъ (10 пудовъ) хлопка продавали по *пятнадцати* тиллей (червонецъ въ 12 р. 82 коп. ассиг.), и говорятъ, что дойдетъ до двадцати и болѣе. Небывалыя цѣны!

— А что новаго? Гдѣ русскіе?

— Да тамъ кругомъ много русскихъ.

— О, великій Аллахъ! помоги нашему эмиру одержать надъ ними верхъ!

— Какой тутъ верхъ, сказалъ собесѣдникъ, когда ужъ все кончено, и владыка востока заключаетъ съ русскими миръ....

— Правда ли это? Нашъ владыка — да сохранить Богъ его лѣта! — таковъ, что, быть можетъ, онъ только сказалъ, что заключить миръ, но едва ли это сдѣлаетъ скоро....

Между тѣмъ базаръ постепенно оживляется. Толпа пестритъ всевозможными халатами. Бухарскія чалмы, хивинскія бараньи шапки, киргизскія тюбетейки мелькаютъ здѣсь и тамъ... Не красива эта толпа. Крайняя неопрятность и уродливость костюмовъ портятъ все дѣло. Картина теряетъ много и оттого, что на базарѣ видны только одни мужчины, а женщина, если мелькнетъ гдѣ-нибудь, то съ приподнятымъ на голову, вмѣсто покрывала, халатомъ. Впрочемъ, юбки некрасивы, и по своему монгольско-татарскому типу походятъ на киргизокъ.

Съ окончаніемъ базара, прекращается городская жизнь. Захатъ солнца возвѣщаетъ предѣлъ дневныхъ трудовъ, — и какъ только съ мембара раздастся кликъ муэззина, то каждый правовѣрный спѣшитъ къ своей моленной. Ночью, когда нѣтъ луны, городъ покрывается совершеннымъ мракомъ, бо искусственное освѣщеніе улицъ не извѣстно въ Намананъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ среднеазиатскаго востока.

М. Михайловъ.

Въ предгорьяхъ Алая.

Алайскія горы составляютъ южную границу плодородной Ферганской долины, этой житницы русскаго Туркестана. Небольшой городокъ Ошъ или Ушъ является крайнимъ, значительно населеннымъ пунктомъ у предгорій Алая. Городъ Ошъ, какъ и всѣ города русскаго Туркестана, состоитъ изъ двухъ рѣзко различающихся между собою частей: стараго или туземнаго города и новаго или русскаго.

Старый городъ во всемъ походитъ на прочіе среднеазиатскіе города, тѣ-же узкія, извилистыя улицы, наполненныя невылазной грязью въ дождливое время года и глубокой пылью лѣтомъ, тѣ-же крытые базары, обставленные рядами лавокъ и лавочекъ со всевозможными товарами; на площадяхъ красуются нѣсколько мечетей съ высокими, стройными минаретами. Архитектура этихъ мечетей иногда весьма изящна, но расположенныя обыкновенно на базарной площади, онѣ совершенно скрываются до половины своей высоты настроенными спереди лавками, а изразцовые куполы минаретовъ служатъ излюбленнымъ мѣстомъ аистовъ для постройки своихъ громадныхъ, безобразныхъ гнѣздъ. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ русская часть города, благодаря своимъ прямымъ, чистымъ улицамъ, обставленнымъ рядами опрятныхъ домовъ, обсаженныхъ рядами деревьевъ! Среди туземнаго населенія Туркестана Ошъ пользуется большою извѣстностью, благодаря находящимся въ этомъ городѣ нѣсколькимъ не маловажнымъ святынямъ.

Почти въ самомъ центрѣ туземнаго города возвышается обрывистая, каменная гора, увѣнчанная четырьмя, почти остроконечными вершинами, образованными массою прихотливо нагроможденныхъ скалъ. Подошва горы покрыта довольно толстымъ слоемъ земли, на которой весною и въ первое время лѣта развивается роскошная растительность изъ различныхъ травъ и массы всевозможныхъ, яркихъ цвѣтовъ. На вершинахъ, между скалами растутъ кусты бѣлой и розовой

жимолости (*Lonicera*), волчьихъ ягодъ (*Solanum Dulcamara*), разныхъ видовъ дикаго лука (*Allium*) и нѣкоторыхъ другихъ растений. Животное царство имѣетъ на горѣ весьма немногихъ представителей. Въ скалахъ гнѣздятся стада дикихъ голубей, различныхъ ястребовъ, коршуновъ и незначительное число каменныхъ куропатокъ.

Описываемая гора носитъ громкое названіе Сулейманъ-тау, т. е. гора Соломона. Почти на самомъ гребнѣ восточной верши-

ны построена мулушка (родъ часовни, мавзоль), рѣзко выдѣляющаяся бѣлизною своихъ стѣнъ отъ окружающихъ ее сѣроватыхъ скалъ. Мулушка эта, по словамъ туземцевъ, построена надъ могилою подвизавшагося на горѣ святаго, хотя внутри ея на гладкихъ каменныхъ плитахъ, незамѣтно никакихъ признаковъ могилы, ибо плиты эти составляютъ одно цѣлое со скалою, на которой построенъ мавзолей. Мулушка служитъ мѣстомъ поклоненія многочисленныхъ богомольцевъ, стекающихъ сюда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Туркестана и побывать у этой святыни считается своего рода подвигомъ, за совершеніе котораго отпускается извѣстное количество грѣховъ. Дѣйствительно, довольно трудно даже для здороваго человека взобраться на такую почтенную высоту, по узкой, чрезвычайно крутой тропинкѣ, а у самой вершины и вовсе безъ всякой тропинки, цѣпляясь за гладкіе, кое гдѣ выдающіеся камни и перепрыгивая съ одного, едва замѣтнаго уступа, на другой. На гору-же обыкновенно отправляются туземцы, страдающіе различными болѣзнями, такъ какъ мѣстность вокругъ мулушки усѣяна памятниками пребыванія на горѣ святаго, исцѣляющими всевозможные недуги. Не доходя до вершины, на небольшомъ уступѣ растетъ красивое дерево кайрагачъ (вязь—*Ulmus effusa*), укрѣпившись корнями въ незначительномъ слоеъ искусственно нанесенной земли; дерево орошается водою изъ большаго, пористаго сосуда, стоящаго надъ его корнями. На этотъ уступъ открывается небольшая пещера, въ глубинѣ которой, на днѣ меньшаго отверстія, находится немного воды, излѣчивающей, по убѣжденію туземцевъ, самыя сильныя глазныя боли. Дальше въ скалѣ видны два узкія, но чрезвы-

чайно глубокія отверстія. Вложившій свои руки въ эти щели получаетъ облегченіе и даже совершенное исцѣленіе отъ кожныхъ язвъ и ревматическихъ болей въ этихъ членахъ. Не смотря на твердое убѣжденіе правовѣрныхъ въ цѣлебности этихъ щелей, сомнительно, чтобы они могли исцѣлить больныя руки, но пребываніе тамъ здоровыхъ—едва-ли остается безъ крайне неприятныхъ послѣдствій. Почти у самой вершины, въ нѣсколькихъ саженихъ отъ мулушки, находится большой, покатый камень, гладко отполированный и блестящій какъ зеркало. Страдающіе болями въ спинѣ ложатся на этотъ камень и скользятъ по немъ на пространства нѣсколькихъ аршинъ, будучи твердо убѣждены, что послѣ этой операціи страданія спины прекратятся. Вѣра въ могущество этого камня настолько велика, что нѣкоторые больныя на рукахъ приносятъ къ камню и кладутъ на него.

На небольшой площадкѣ, на которой построена мулушка, въ твердомъ, какъ гранитъ, камнѣ видны два круглыхъ углубленія: это слѣды земныхъ поклоновъ святаго; при головной боли стоитъ только вложить голову въ одно изъ углубленій и страданія тотчасъ-же прекратятся. Словомъ, вокругъ мулушки сгруппированы средства отъ всѣхъ болѣзней; есть даже камень отъ безплодія, особенно чтимый туземными женщинами. Сама мулушка, построенная на небольшой площадкѣ, ничѣмъ не отличается отъ другихъ построекъ подобнаго рода. Построеніе ея, по словамъ ошцевъ, относится къ первымъ годамъ владычества Худояръ-хана, построившаго надъ могилою чтиваго святаго новый мавзолей, въ замѣнъ прежняго, пришедшаго въ ветхость.

Съ сѣверной стороны главной вершины, въ небольшой впадинѣ совершенно отвѣсной скалы виднѣется загадочная постройка, по формѣ напоминающая небольшой домикъ, сложенный изъ большихъ глазурованныхъ кирпичей квадратной формы. Такихъ кирпичей въ настоящее время не выдѣлываютъ и ихъ въ большомъ количествѣ можно видѣть въ старинныхъ развалинахъ города Узгена, относимыхъ ко временамъ калмыцкаго владычества.

Доступъ къ описываемой постройкѣ совершенно невозможенъ, ни съ гребня скалы, ни отъ подошвы: небольшое углубленіе, въ которомъ находится постройка, лежитъ на половинѣ совершенно отвѣсной скалы, сажений въ полтора вышину и притомъ верхняя часть скалы нависаетъ надъ постройкою. Нѣкоторые изъ туземцевъ убѣждаютъ, что къ мѣсту нахождения таинственной постройки, существуетъ подземный ходъ черезъ одну изъ многочисленныхъ пещеръ, находящихся въ горѣ; по ходъ этотъ извѣстенъ лишь немногимъ лицамъ, отличающимся святостью жизни и тщательно скрывается отъ обыкновенныхъ смертныхъ, а тѣмъ болѣе—отъ невѣрныхъ. Вѣроятнѣе-же, что къ этому мѣсту ранѣе проходили по тропинкѣ, которая могла обрушиться вмѣстѣ съ частью скалы во время одного изъ нѣрѣдкихъ здѣсь землетресеній; въ пользу этого предположенія можетъ служить то обстоятельство, что у подножія горы валяется масса громадныхъ, каменныхъ обломковъ, очевидно оторванныхъ отъ скалъ.

× Совершенно обособленное отъ другихъ горныхъ цѣпей положеніе горы Сулейманъ-тау послужило предлогомъ объяснить ея происхожденіе слѣдующею легендою, передаваемою туземцами: „былъ нѣкогда великій, славный и могущественный царь Соломонъ. Не было славнѣе его царей на всей землѣ и не будетъ. Царствовалъ онъ надъ всѣми народами, отъ предѣловъ великаго моря до края земли. И возмутился противъ его власти этотъ ничтожный народъ (т. е. жители города Оша). Тогда изрекъ царь грозное слово и по слову его, изъ нѣдръ земли, среди города поднялась каменная гора; на ней поставилъ царь свой тронъ и судилъ возмущившійся народъ. Покорился народъ Соломону и поклялся на вѣки служить вѣрно, ему и наслѣдникамъ его. Потому и назвали гору эту горою или трономъ Соломона“.

Впослѣдствіи на этой горѣ подвизался одинъ святой (имени его мнѣ не удалось узнать; туземцы называютъ его нарицательнымъ „аудіе“), который за святость жизни получилъ даръ творить чудеса и исцѣлять всевозможныя болѣзни; послѣднюю способность онъ передалъ даже различнымъ памятникамъ

своего пребывания на горѣ. Вотъ, что разсказываютъ о его замѣчательнѣйшемъ чудѣ: „нѣкогда городъ Ошъ (или Ушъ) былъ незначительнымъ кишлакомъ (селеніемъ), крайне бѣднымъ, вслѣдствіе недостатка въ водѣ. Бѣдственное положеніе обитателей заставило ихъ обратиться съ усердною молитвою къ подвизавшемуся на горѣ святому. Въ тѣ давнія времена между лежащими на югѣ Алайскими горами и предгорьями около Оша находилось громадное озеро. По молитвѣ святаго, раздвинулись горы и черезъ образовавшееся узкое, извилистое ущелье хлынула могучей волною вода (рѣка Акбура), оросила край, сдѣлала его плодороднымъ и послужила причиною основанія Оша, Асаке и Андижана.

У подошвы горы, въ тѣнистомъ саду, находится старинная мечеть, около которой покоятся тѣла умершихъ нѣсколько столѣтій тому назадъ людей, извѣстныхъ своею праведностью. Внутри мечети, по словамъ туземцевъ, хранится тронъ царя Соломона, стоявшій нѣкогда на горѣ и свѣтильникъ, принадлежавшій, по преданію, Дѣвѣ Маріи. Кромѣ главной мечети, по склону горы построено нѣсколько небольшихъ молитвенныхъ домовъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ отдыха для посѣщающихъ гору богомольцевъ. Ежедневно, но главнымъ образомъ по пятницамъ, можно видѣть цѣлыя вереницы этихъ пилигримовъ, восходящихъ по различнымъ тропинкамъ на вершину горы, обыкновенно босикомъ или въ особаго рода поршняхъ, сдѣланныхъ изъ тесемокъ грубаго сукна. Только поклонившись святому Азрету въ Туркестанѣ, посѣтивъ Самаркандъ и взошедши на Сулейманъ-тау, правовѣрный можетъ закончить свой подвигъ поклоненіемъ каабѣ въ Меккѣ, говоря туземцы.

Вообще городъ Ошъ и его окрестности служатъ средоточіемъ мусульманскихъ святыхъ Ферганы, болѣе или менѣе чтимыхъ народомъ. Изъ этихъ святыхъ наибольшаго вниманія по своему значенію заслуживаютъ слѣдующіи:

Тѣнь Али. Въ 24 верстахъ отъ Оша, по армянскому пути въ Маргеланъ, при выходѣ изъ узкаго ущелья, образованнаго двумя

паралельными рядами горъ, расположенъ большой кишлакъ Араванъ. Почти отъ самаго села, сначала только вправо отъ дороги, а далѣе—по обѣ ея стороны, тянутся цѣпи высокихъ, скалистыхъ горъ. Недалеко отъ Аравана, на одной изъ скалъ можно видѣть чрезвычайно грубое изображеніе лошади. У подошвы этой скалы, изъ небольшой расщелины вытекаетъ ключъ чистой, холодной воды. Святость этого мѣста обозначена, по обыкновенію, небольшою постройкою—мазаркой, представляющей могилу какого-то святаго. Относительно происхожденія изображенія лошади на скалѣ существуетъ нѣсколько предположеній: одни считаютъ его сдѣланнымъ искусственно, другіе же полагаютъ, что ранѣе на скалѣ сочетаніе прожилокъ камня могло напоминать, по своей формѣ, какую либо часть конскаго тѣла и это природное изображеніе могло быть дополнено усердными почитателями святыхъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говорить то обстоятельство, что воспроизводитъ цѣликомъ какое-бы то ни было изображеніе животныхъ безусловно воспрещается кораномъ, на искусственное-же дополненіе рисунка указываютъ нѣкоторые, встрѣчающіяся въ немъ подробности. Туземцы твердо убѣждены въ сверхестественномъ происхожденіи рисунка и объясняютъ его слѣдующею легендою: Али, извѣстный преемникъ Магомета, спасаясь отъ преслѣдованія враговъ, скрылся въ этихъ горахъ и конь его обратился въ скалу. Но такъ какъ сама скала не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ фигурою лошади, то происхожденіе описаннаго рисунка объясняется нѣсколько иначе: отъ скачущаго Али упала тѣнь на скалу. Тѣнь самаго его, какъ святаго, не дала изображенія на скалѣ, но тѣнь лошади осталась до настоящаго времени.

Ташъ-ата. Въ горахъ между Ошемъ и Араваномъ, въ сторонѣ отъ дороги расположенъ небольшой кишлакъ, близъ котораго находится могила святаго Ташъ-ата, давшего свое имя этому селенію. Здѣсь, на высокой совершенно отвѣсной скалѣ, построены надмогильный мавзолей святаго, соединенный узкимъ, крытымъ проходомъ съ глубокой расщелиной въ скалѣ. По преданію, Ташъ-ата былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ пред-

водителей войскъ правоверныхъ, умершій и погребенный въ этомъ кишлакѣ. Когда настанетъ время изгнать русскихъ изъ края, Ташъ-ата возстанетъ изъ могилы, соберетъ войско и выгонитъ ихъ, убѣждаютъ легковерныхъ туземцевъ муллы - фанатики. Что подобныя поученія не остались безъ вліянія на умы туземцевъ, доказываетъ слѣдующій случай: года три тому назадъ собралась въ Ташъ-ата громадная толпа туземцевъ, въ нѣсколько тысячъ человекъ и начала горячо молиться святому, прося его возстать и лить свое могущество. Но видно, не пробила еще часъ изгнанія русскихъ, или моленія правоверныхъ были недостаточно усердны, только ожидаемаго чуда не произошло, да къ тому-же мѣстныя власти, узнавъ о собраніи скопищъ, поспѣшили его разогнать. По нѣкоторымъ сказаніямъ, Ташъ-ата и теперь время отъ времени выходитъ изъ могилы и на бѣломъ конѣ скачетъ по горамъ; гулъ отъ копытъ его коня далеко разносится по окрестностямъ, но видѣть самаго всадника удостоиваются лишь немногіе, извѣстные своею праведностію, ишаны.

Хазретъ-Аюбъ. Въ 45 верстахъ отъ Оша, въ Андижанскомъ уѣздѣ находятся близъ селенія Джелалабадъ горячіе минеральныя источники, о происхожденіи которыхъ легенда гласитъ слѣдующее: Хазретъ - Аюбъ т. е. всеправедный Іовъ—личность тождественная съ библейскимъ многострадальнымъ Іовомъ—пораженный проказою, жилъ на горѣ, недалеко отъ селенія. Долго томился онъ здѣсь, но наконецъ Господь сжалился надъ нимъ и повелѣлъ ему встать. Іовъ всталъ и пошелъ. Едва онъ ступилъ ногою, какъ открылся источникъ холодной воды; онъ ступилъ другой—открылся горячій ключъ. Изъ перваго онъ утолилъ жажду, а выкупавшись во второмъ, исцѣлился отъ болѣзни. И гдѣ только ни ступала нога Аюба, всюду открывались целебныя источники. Мирно прожилъ онъ послѣдніе годы своей жизни на этой-же горѣ, скончался и былъ здѣсь погребенъ. Могила его, а еще болѣе источники, почитаются великою святынею, привлекающею множество поклонниковъ, идущихъ сюда, чтобы омыться въ священныя ключахъ и получить исцѣленіе отъ болѣзней. Потомки Аюба и въ на-

стоящее время проживаютъ на той-же горѣ, населяя небольшой кишлакъ, называемый по имени святаго, Хазретъ Аюбомъ. Они аккуратно собираютъ подаянія съ проходящихъ поклонниковъ святыни, такъ-какъ это составляетъ ихъ вакуфъ (доходъ съ какой-ли-

бо священной мѣстности). Въ настоящее время на этой мѣстности, извѣстной подъ именемъ Хазретъ-Аюбскихъ минеральныхъ водъ, учреждена санитарная станція для пользованія больныхъ минеральными источниками. Ежегодно, на лѣтніе мѣсяцы, сюда отправляютъ больныхъ нижнихъ чиновъ войскъ Ферганской области и съѣзжается много публики изъ городовъ Ферганы; на водахъ устроены ванны и бараки для помѣщенія больныхъ.

Недалеко отъ Оша, верстахъ въ четырехъ отъ города, находятся остатки большаго укрѣпленія, относимаго туземцами еще ко временамъ калмыцкаго владычества. Въ настоящее время на мѣстѣ этого укрѣпленія видны только остатки земляной насыпи, въ видѣ длиннаго холма въ нѣсколько десятковъ футовъ вышиною и находящагося передъ нимъ весьма широкаго и глубокаго рва. На сколько велика ширина бывшаго рва, видно изъ того, что въ немъ удобно расположилось нѣсколько сартовскихъ дворовъ съ постройками. На вершинѣ холма находится большое углубленіе, въ которомъ иногда выкапываютъ изъ земли чрезвычайно прочныя, стѣнные кирпичи темнаго цвѣта.

Почва около Оша извѣстна своимъ плодородіемъ, вслѣдствіе чего на этой мѣстности засѣвается громадное количество хлѣба и ячменя, дающихъ богатые урожаи. Благодаря часто перепадающимъ въ началѣ лѣта дождямъ, большая часть посѣвовъ созреваетъ безъ искусственнаго орошенія и пашнями покрыты положительно все покато-сти окрестныхъ горъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Ошъ, мнѣ представился случай посѣтить Гульчу—небольшое укрѣпленіе, расположенное у самой подошвы главнаго Алайскаго хребта. Отправляются въ Гульчу двумя путями: первый, кратчайшій проходитъ черезъ горы по прямому направленію и доступенъ только для вьюковъ, второй—болѣе дальній, но разра-

ботанный для колесныхъ экипажей. Въ описываемое время (во второй половинѣ апрѣля) движенія по колесному пути не было, потому что, вслѣдствіе таянія въ горахъ снѣга, на чрезвычайно крутомъ глинистомъ перевалѣ Гичикъ-чаръ образовалась глубокая грязь, дѣлавшая невозможнымъ движеніе не только для тарантаса, но даже и для большеколесныхъ туземныхъ арбъ. Но необходимость ѣхать по вьючному пути не была для меня неприятною, такъ какъ путь этотъ, пролегающій чрезъ горы, мимо мало посѣщаемого горнаго озера Капланъ-куль, представлялъ для меня много интереса по обилію и разнообразію горной растительности, довольно своеобразной въ этой мѣстности.

Запасшись всѣмъ необходимымъ и заручившись проводникомъ, я выѣхалъ изъ Оша по дорогѣ въ Гульчу. До ночлега, который обыкновенно дѣлается на урочищѣ Лянгаръ, пужно проѣхать болѣе тридцати верстъ, съ небольшимъ отдыхомъ въ конутномъ кишлакѣ Мады. Дорога отъ Оша до Мады, на разстояніи десяти верстъ, пролегаетъ сначала пригородными садами, а затѣмъ—волнистой степью, кое-гдѣ перерѣзанной неглубокими оврагами и лощинами. Степь была въ полной красѣ своего весеняго убора: на всемъ пространствѣ, которое могъ охватить глазъ, она была покрыта роскошнымъ ковромъ ярко-зеленой травы, усѣянной множествомъ цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ колеровъ. Въ разныхъ мѣстахъ темнѣли группы деревьевъ или блестѣла вода разлившихся ручьевъ. Въ воздухѣ раздавался голоса множества птицъ, вознограждавшихъ себя за зимнія лишенія.

Высоко въ воздухѣ парили большіе коршуны и степные орлы, высматривая добычу; надъ степью проносились цѣлыя стада куропадокъ, дикихъ голубей и розовыхъ скворцовъ, тянувшихъ на хлѣбные посѣвы: въ придорожныхъ кустахъ слышенъ былъ рѣзкій голосъ сокопута и мелькали по вѣтвямъ перепархивающія миловидныя мухоловки. Около разливовъ ручьевъ спускались для водопоя цѣлыя стаи сѣрыхъ куропадокъ, дикихъ голубей и горлицъ. Небольшой кишлакъ Мады расположенъ въ глубокой лощинѣ, окруженной высокими холмами, которые длиннымъ ря-

домъ опоясываютъ селеніе и на востокѣ сливаются съ горами. Въ лощинѣ между холмами протекаетъ небольшой ручей, доставляющій необходимую для орошенія воду. На небольшой площадкѣ, по берегу ручья растетъ нѣсколько десятковъ великолѣпныхъ карагачей (*Ulmus effusa*), образующихъ тѣнистую рощицу, въ которой пріютился небольшой караванъ-сарай и нѣсколько бѣдныхъ лавокъ, въ числѣ которыхъ было и неизмѣнное чай-хане. Около Мады я встрѣтилъ особый, невидѣнный мною ранѣе, видъ молочайника (*Euphorbium*), растущій довольно большими кустами и имѣющій крупныя, величиною въ вишню, шарообразныя плоды; на берегахъ ручья растетъ нѣсколько кустовъ шиповника (*Rosa canina*) и жимолости (*Lonicera*). Ароматическая перечная мята (*Mentha piperita*) и полевой горошекъ (*Lathyrus*) покрывали склоны холмовъ, усѣянные кромѣ того ярко-красными цвѣтами дикаго мака. Кишлакъ Мады—это своего рода эльдорадо ошскихъ охотниковъ: въ окрестностяхъ кишлака держится множество степной дичи и совершаютъ свои перелеты громадныя стаи куропадокъ.

Напившись чаю и отдохнувъ часа полтора, я выѣхалъ далѣе, къ урочищу Лянгаръ, гдѣ долженъ былъ остановиться на ночлегъ. Первые версты семь или восемь дорога пролегаетъ по волнистой степи, ограниченной съ трехъ сторонъ высокими горами; но миновавъ урочище Акъ-ташъ, она входитъ въ узкую долину, образованную двумя параллельными цѣпями горъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ дорога проходитъ по руслу неглубокой, но быстрой горной рѣчки, dribящейся на множество рукавовъ и протоковъ, частью сухихъ, частью-же наполненныхъ водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ долина нѣсколько расширяется, расположены небольшіе аулы, т. е. группы киргизскихъ кибитокъ, окруженныя стадами лошадей, овецъ и рогатаго скота, пасущихся на густой, сочной травѣ. Ѣхать въ арбѣ по дорогѣ, заваленной кучами крупныхъ камней, составляло настоящую пытку, благодаря толчкамъ и постояннымъ встряхиваніямъ, которыми этотъ первобытный экипажъ награждаетъ пассажира при мало-

мальски неровной дорогѣ; вслѣдствіе этого я вышелъ изъ арбы и, взобравшись на гору, пошелъ по краю обрыва, нависшаго надъ дорогою. Въ расщелинахъ скалъ во множествѣ росли небольшіе кустики жимолости, усѣянные мелкими розовыми цвѣточками, а почва была покрыта густою, невысокою травою, изъ которой выдѣлялись чрезвычайно яркіе и крупныя цвѣты одуванчика (*Тагахасит*); мнѣ ни разу не приходилось ранѣе видѣть такихъ сильно развитыхъ экземпляровъ этого растенія. Обыкновенно одуванчикъ образуетъ небольшое растеніе съ нѣсколькими листьями и цвѣточнымъ стеблемъ, дюймовъ 5—7 вышиною, несущимъ сложныя цвѣты блѣдно-желтаго цвѣта, ве-

личиною въ двухъ-копеечную монету; но встрѣченные мною здѣсь экземпляры были замѣчательно развиты: листья образовали небольшой, но чрезвычайно густой пучекъ, изъ котораго поднималось нѣсколько толстыхъ цвѣточныхъ стеблей, вышиною болѣе фута; замѣчательно крупныя, полныя, почти махровыя цвѣты имѣютъ яркую окраску, переходящую по срединѣ цвѣтковъ въ темно-оранжевый цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ изобиліи встрѣчались полевой горошекъ двухъ видовъ: съ мелкими, ярко-желтыми и чрезвычайно крупными лиловыми цвѣтами. Изрѣдка видѣлись одинокіе экземпляры желтаго звѣробоя (*Нурегисит quadrangulare*), небольшіе кустики полыни (*Артемиsia absinthium*) и крупныя бѣлыя цвѣты алтея (*Althea officinalis*), изъ корней которой готовится экстрактъ — *pasta altheae*, употребляемый при грудныхъ и горловыхъ боляхъ. Изъ птицъ встрѣчались только стан- дикихъ голубей, горлицъ, да около воды можно было замѣтить нѣсколько миниатюрныхъ буликовъ-песочниковъ.

Протянувшись верстъ восемь или десять, долина начинаетъ расширяться; сѣверный хребетъ горъ направляется въ лѣво, а южный постепенно понижается.

Совершенно ясный въ началѣ день грозилъ окончиться дождливымъ вечеромъ: по вершинамъ горъ за клубились легкія, сѣроватыя кучки облаковъ, а затѣмъ и все небо начало заволакиваться ими; черезъ полчаса съ горъ подулъ рѣзкій, холодный вѣ-

теръ и началъ моросить мелкій, но частый дождь, дѣлая невозможнымъ дальнѣйшее путешествіе пѣшкомъ. Поневолѣ пришлось сѣсть въ арбу и продолжать путь въ этомъ неудобномъ экипажѣ. Отъ Оша до Лянгара считается тридцать двѣ версты, но такъ какъ версты здѣсь „немѣренныя“, то это разстояніе на самомъ дѣлѣ было гораздо больше: судя по времени, я долженъ былъ уже проѣхать верстъ двадцать пять, а арба-кешъ, на вопросъ мой о числѣ оставшихся до ночлега верстъ, отвѣтилъ, что будетъ верстъ двѣнадцать или пятнадцать. Послѣ заката солнца вѣтеръ сдѣлался еще холоднѣе, дождь усилился и вода стала цѣлыми потоками проникать сквозь дырявую камышевую по- крышку арбы, такъ что, не смотря на тол- стое пальто, положеніе мое становилось весьма непріятнымъ. Зная, что на Лянгарѣ устроены станціонный домъ для остановокъ проѣзжающихъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца переѣзда и помышлялъ о тепломъ и удобномъ убѣжищѣ отъ холоднаго, пронизывающаго до костей дождя и тумана, который становился все гуще и гуще. Наконецъ въ темнотѣ, сквозь туманъ, облега- шій темно-синей пеленою всю окрестность, показалась группа большихъ деревьевъ, отъ которыхъ до станціи всего верста разстоя- нія. Поровнявшись съ деревьями, арба на- чала круто спускаться по берегу оврага, направляясь къ нѣсколькимъ, блестящимъ въ темнотѣ, огнямъ. Черезъ нѣсколько ми- нуть я подѣхалъ къ бѣлому, станціонному дому и вышелъ изъ арбы. Но здѣсь ожида- ло меня горькое разочарованіе: оказалось, что крыша станціоннаго дома, вслѣдствіе почти непрерывно идущихъ дождей, обруши- лась и ночевать въ домѣ не было возможно- сти. Такимъ образомъ мои надежды на удоб- ный ночлегъ, столь рѣдкій при путешест- віяхъ по Туркестану, были обмануты и я стоялъ подъ дождемъ въ недоумѣніи, гдѣ и какъ придется провести ночь; ночевать же подъ открытымъ небомъ было совершенно невозможно. Мои непріятныя размышленія

были прерваны появленіемъ какого-то сар- та, оказавшагося потомъ станціоннымъ сто- рожемъ, который и пригласилъ меня слѣдо- вать за собою. Предшествующій сторожемъ,

постоянно скользи и увязая въ глубокой грязи, я добрался до какой-то постройки, черезъ открытую дверь которой блеснулъ огонь и слышались голоса о чемъ-то спорившихъ туземцевъ.

Обрадовавшись столь неожиданно обрѣтенному пріюту, я вошелъ въ дверь постройки и очутился въ обширной конюшнѣ, гдѣ помѣстилось уже нѣсколько арбакашей съ своими лошадьми. На мой вопросъ, какимъ-же образомъ ночевать въ столь неприятной компаніи, сторожъ объявилъ, что по причинѣ невозможности помѣститься въ станціонномъ домѣ, всѣ и даже проѣзжавшіе дня три тому назадъ русскіе „тюри“ (офицеры) ночуютъ въ этой конюшнѣ. Дѣйствительно, въ одномъ углу видно было небольшое возвышеніе, покрытое паласомъ, а полъ вокругъ него былъ довольно чисто выметенъ и убитъ; тутъ-же, какъ вещественныя доказательства справедливости показаній сторожа, валялись окурки папирозъ, клочки газетной бумаги и на столѣ виднѣлись капли стеарина. Пришлось помириться съ неудобствами подобнаго ночлега; наскоро закусивъ, я приготовилъ себѣ постель на описанномъ возвышеніи и легъ спать. Но послѣднее было не особенно легко: храпъ и стукъ, производимый лошадьми, а также удушливый дымъ отъ горѣвшаго по серединѣ конюшни костра довольно долго не позволяли мнѣ заснуть; въ особенности-же неприятно дѣйствовалъ на нервы какой-то подозрительный шелестъ и шумъ въ камышовомъ потолкѣ: невольно явилась мысль о возможности нахождения тамъ скорпіоновъ; если же они были, то трудно было-бы ручаться, что одному, а можетъ быть и нѣсколькимъ изъ нихъ не вздумается обратиться ко мнѣ подъ одеяло, чему неоднократно бывали примѣры. Наконецъ сильная усталость взяла свое и я крѣпко заснулъ, чтобы проснувшись съ разсвѣтомъ продолжить путь.

Еще до восхода солнца я поднялся, рассчитывая въ тотъ же день доѣхать до Гульчи. Когда я проснулся въ конюшнѣ, давшей мнѣ пріютъ на ночь, въ ней никого уже не было: погонщики вьючныхъ лошадей (лаучи) давно проснулись и навьючи-

вали лошадей, собираясь отправляться въ дальнѣйшій путь. Туманъ непроницаемой завѣсою покрывалъ окрестности и былъ до такой степени густъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было видно стоящихъ лошадей; но съ первыми лучами солнца туманъ поднялся и въ долину стало совершенно свѣтло; только вершины горъ еще были затянуты туманнымъ покрываломъ, которое волнуясь, то густыми массами, то отдѣльными влочьями поднималось все выше и выше, обнажая по немногу зеленые склоны горъ, покрытые густою травой и хлѣбными посѣвами.

Станція Лянгаръ расположена въ довольно узкой, глубокой долину, окруженной рядами горъ; быстрая, довольно широкая, горная рѣчка протекаетъ у самой станціи, раздѣляя долину на двѣ, почти равныя части. По берегамъ рѣчки имѣется нѣсколько водяныхъ мельницъ самаго простаго устройства.

Отъ Лянгара дальнѣйшій путь на Гульчу раздѣляется: арбяная дорога, сохраняя прежнее направленіе на востокъ, проходитъ по узкой, но совершенно ровной дорогѣ до перевала Гичикъ - Чаръ, откуда, до самой

Гульчи, избравшему для своей поѣздки вьючную дорогу надлежало отъ Лянгара подняться прямо въ горы и перерѣзать ихъ въ прямомъ направленіи, мимо озера Капланъ-куль.

Переправившись уже верхомъ черезъ шумѣвшую и бурлившую горную рѣчку, я по узкой, каменистой дорогѣ поднялся на возвышенное плато, тянувшееся въ длину верстъ на восемь, а съ боковъ ограниченное рядами высокихъ, чрезвычайно крутыхъ горъ, покрытыхъ густою травой и кустами шиповника и боярышника (*Crataegus*).

Вся эта мѣстность, благодаря плодородной почвѣ, засѣяна различными хлѣбными растеніями. Хлѣбопашество составляетъ самое главное занятіе мѣстнаго населенія не только осѣдлаго, но и кочеваго. По удобной, отлого поднимающейся дорогѣ проѣхавъ я плато и достигъ перваго перевала. По чрезвычайно крутой, глинистой дорогѣ пришлось подниматься на высокую гору, вершина которой скрывалась въ туманѣ. Несмотря на то, что дорога дѣлаетъ постоян-

ные зигзаги, лошади съ трудомъ поднимались по размокшей глинѣ, увязая въ ней почти по колѣно, такъ что каждыя десять или пятнадцать минутъ приходилось останавливаться для отдыха. Скоро глинистый грунтъ смѣнился каменистымъ, болѣе удобнымъ для ѣзды, но гора становилась все круче и круче, да къ тому-же и лошади, подкованныя плоскими, туземными подковами, скользили по мокрымъ камнямъ и постоянно падали на колѣни. Черезъ нѣсколько времени я былъ уже на вершинѣ, среди густаго тумана, окутывавшаго все окрестности и не позволявшаго видѣть дорогу на разстояніи болѣе двадцати или тридцати шаговъ. Мелкій дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ и холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ еще болѣе затруднялъ путь и безъ того становившійся крайне неприятнымъ. Наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько поворотовъ, я достигъ высшей точки перевала и остановился, чтобы дать нѣсколько отдохнуть лошади. Кругомъ возвышались покрытыя первой зеленью горы, окутанныя густымъ туманомъ, сквозь который въ разныхъ мѣстахъ, по узкимъ ложбинамъ, бѣлѣли полосы снѣга, лежавшаго довольно большими массами. Кроме молодой, едва только пробившейся травы, на вершинахъ не было видно почти никакой растительности; лишь нѣсколько низкорослыхъ березъ (*Betula alba*), да кустовъ жимолости уныло торчали по склонамъ горы, возвышавшейся надъ дорогою. Спускаться верхомъ по чрезвычайно крутому, глинистому склону горы, покрытому глубокой, скользкой грязью, было невозможно; пришлось идти пѣшкомъ и вести лошадь въ поводу. Но особенно труднымъ оказался спускъ для вьючныхъ лошадей: упершись передними ногами въ землю, опѣ не шли, а какъ-то скользили по размокшей дорогѣ, ежеминутно подвергаясь опасности перевернуться черезъ голову и скатиться внизъ.

Къ счастью, глина скоро смѣнилась болѣе твердымъ, каменистымъ грунтомъ, гдѣ спускъ становился отложе, такъ что дальнѣйшее движеніе не представляло уже большихъ затрудненій. Дорога до слѣдующаго перевала, называемаго „каменнымъ“ проходитъ по неширокому, всего въ нѣсколько шаговъ, карнизу горы; съ правой стороны почти отвѣс-

но поднимаются крутыя ребра горъ, а съ лѣвой зіяютъ глубокіе овраги и пропасти, со дна которыхъ поднимаются новые гребни и вершины самыхъ причудливыхъ очертаній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горные ручьи

пересѣкаютъ дорогу и шумными, пѣнистыми каскадами свергаются внизъ.

Проѣхавъ такимъ образомъ версты пять, я опять началъ подниматься къ новому перевалу; подъемъ оказался довольно отлогимъ и дорога вполне удовлетворительною, но зато спускъ способенъ надолго остаться въ памяти. Поднявшись на гребень горной цѣпи, я вступилъ въ ложе довольно большаго ручья; по этому-то ложу и пролегаетъ дорога, загроможденная массами щебня и крупныхъ валуновъ, цѣлые ряды которыхъ во многихъ мѣстахъ пересѣкаютъ дорогу; къ тому-же и вода, образуемая отъ таянія снѣга въ горахъ, направляется по этому пути. Неудобства спуска еще увеличиваются его чрезвычайной крутизной; лошади едва въ состояніи удержаться по этой движущейся массѣ мелкаго камня, легко подающагося подъ ногами. Пройдя по ущелью около двухъ верстъ, дорога выходитъ на гребень горы и новымъ, еще болѣе крутымъ спускомъ, достигаетъ обширной долины, посреди которой лежитъ озеро Капланъ-куль.

По мѣрѣ того, какъ дорога спускалась къ долинѣ, растительность вокругъ нея становилась богаче и разнообразнѣе: склоны горъ были покрыты густыми зарослями арчи (древовидный можжевельникъ), дикаго персика (*Persica vulgaris*), аличы—родъ мелкоплодной сливы (*Prunus divaricata*) и дикихъ яблонь (*Pyrus aserba*); кое-гдѣ виднѣлись отдѣльные деревья тополей и какіе-то неизвестные мнѣ кустарники съ чрезвычайно перепутанными, колючими стеблями. Изъ травянистыхъ растений выдѣлялись крупныя экземпляры *Egethicus*'а, съ длинными листьями и большими кистями бѣлыхъ или желтоватыхъ цвѣтовъ; подъ кустами я нашелъ нѣсколько экземпляровъ крупныхъ, душистыхъ фіалокъ, а берега ручьевъ были усыяны незабудками (*Myosotis*), обращавшими на себя вниманіе величиною и прекраснымъ, темно-синимъ колеромъ цвѣтовъ.

Дорога пролегает по дикой, живописной мѣстности; со всѣхъ сторонъ поднимаются отвѣсныя скалы или крутыя, зеленѣющія горы, увѣчанныя блестящими, снѣжными вершинами; громадная, бѣлоснѣжная масса главнаго Алая, подобно колоссальной стѣнѣ, украшенной прихотливыми зубцами и башнями, выдается надъ рядами предгорій и кажется какою то недостигаемою высью. Около дороги съ шумомъ и журчаніемъ протекаетъ нѣсколько ручьевъ; одни изъ нихъ, образовавшіеся отъ таянія горныхъ снѣговъ, наполнены мутной, пѣнистой водою, въ другихъ, на оборотъ, вода чиста какъ кристаллъ—это ручьи, образовавшіеся отъ соединенія нѣсколькихъ горныхъ ключей. Узкое ущелье, по которому проходитъ дорога, открывається въ обширную долину, окруженную высокими горами и заключающую въ себѣ озеро Капланъ-куль. Значительная часть долины покрыта густыми зарослями различныхъ кустарниковъ, между которыми кое-гдѣ возвышались высокіе, стройные тополя и широко разросшіеся деревья арчи. Въ это время (было около десяти часовъ утра) лежавшій надъ долиною густой туманъ сталъ бысто подниматься и верстахъ въ трехъ впереди показалась темно-голубая поверхность озера, окаймленная зеленой лентой камышей; около воды была видна группа большихъ деревьевъ, возвышавшаяся среди зарослей камыша и кустарника. Черезъ полчаса я подѣхалъ къ озеру и сѣлся около него, для отдыха.

Озеро Капланъ-куль лежитъ въ глубокой, горной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и имѣетъ въ длину около трехъ верствъ, въ ширину же не болѣе одной. Сѣверный и южный берега образуются высокими цѣпами горъ, а восточный и западный—отлоги и сливаются съ долиною; только у юго-западнаго края озера, на берегу видно нѣсколько скалъ, поднимающихся изъ воды футовъ на пятнадцать. Берега, кромѣ южнаго, окаймлены густыми зарослями камыша и кури (родъ тростника—*Turpha angustifolia*), а у западной стороны озера, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, поднимаются изъ воды три громадные тополя (*Populus alba*). Берега и вообще вся доли-

на покрыта густою, мягкой травой, среди которой выдѣляются кусты шалфея (*Salvia offic.*), ароматической мяты (*Mentha piperica*), *Egremigus'a* и высокіе стебли ирисовъ (*Iris*). Благодаря обилію травы, долина представляла довольно оживленный видъ: въ разныхъ мѣстахъ, по склонамъ горъ, виднѣлись группы киргизскихъ кибитокъ, окруженных стадами пасущихся овецъ и лошадей.

Богатству растительности соответствовало количество и разнообразіе животныхъ на озерѣ и въ его окрестностяхъ: множество различныхъ водяныхъ птицъ плавало по водѣ и перелетало надъ нею; на открытых мѣстахъ видны были стаи лысухъ и гагаръ, плававшихъ и нырявшихъ по всѣмъ направленіямъ; надъ водою безпрестанно пролетали многочисленныя стаи утокъ различныхъ видовъ, а высоко надъ озеромъ описывали плавные круги нѣсколько крупныхъ, горныхъ коршуновъ, гнѣзда которыхъ виднѣлись тутъ-же, на растущихъ у берега озера деревьяхъ. Въ густомъ камышѣ слышались громкія вскрикиванія водяныхъ курочекъ, глухой заунывный ревъ выси и рѣзкіе голоса камышевокъ и сорокопутовъ. По берегу перелетали стаи различныхъ куликовъ и дикихъ голубей, а вдали, на одной отмели, видно было нѣсколько аистовъ, стоявшихъ въ своей характерной, выжидательной позѣ; поднявъ одну ногу и спрятавъ голову между плечъ, они казались спящими, но между тѣмъ зорко сторожили добычу, время отъ времени быстро и ловко выхватывая изъ воды неосторожно приблизившуюся къ нимъ рыбу, которой, преимущественно сазановъ, въ озерѣ водится весьма много. Весною и въ началѣ лѣта вода въ Капланъ-куль, вслѣдствіе таянія снѣговъ, возвышается сравнительно съ обыкновеннымъ уровнемъ и становится совершенно прѣсною; но къ осени она нѣсколько убываетъ и принимаетъ слегка солоноватый вкусъ.

Во время моего отдыха на берегу озера, туманъ, поднявшійся было къ самымъ вершинамъ горъ, сталъ сплошною стѣной подвигаться къ озеру, постепенно закрывая своей синеватой пеленою окрестные пред-

меты; изъ западнаго ущелья подулъ холодный, порывистый вѣтеръ, подернувшій крупной зыбью спокойную, блестящую какъ зеркало, воду озера. Черезъ нѣсколько минутъ небо заволочлось густыми, темно-сѣрыми тучами и опять началъ моросить мелкій, холодный дождь, вскорѣ однако прекратившійся. До цѣли моей поѣздки—укрѣпленія Гульчи, оставалось еще верстъ двадцать, а потому, отдохнувъ у озера часа два и давъ время лошади набѣться сочной, зеленой травы, я отправился въ дальнѣйшій путь. Въ началѣ, на протяженіи около двухъ верстъ, дорога (узкая тропинка) проходитъ по берегу вдоль сѣверной цѣпи горъ и въ одномъ мѣстѣ пересѣкаетъ небольшой заливъ

озера. Около этого залива мнѣ встрѣтился караванъ вьючныхъ лошадей, везшихъ какую-то кладь изъ Кашгара въ Ошъ; при спускѣ къ заливу одна изъ лошадей поскользнулась на мокрой, глинистой тропинкѣ и не будучи въ состояніи удержаться, вмѣстѣ съ вьюкомъ покатила въ озеро, увлекая за собою еще нѣсколькихъ, связанныхъ между собою лошадей. Лаучи (погонщики) подняли страшный крикъ и бросились выручать барахтавшихся въ неглубокой водѣ лошадей, которымъ тяжесть вьюка мѣшала подняться на ноги. Съ большимъ трудомъ справились они съ бившимися животными и вывели ихъ на берегъ; лошади оказались цѣлы и невредимы, но вьюки промокли насквозь и бѣдные киргизы печально покачивали головами, вѣроятно представляя себѣ могущія произойти неприятели по поводу подмоченнаго груза: приемщикъ-сартъ не преминетъ сорвать съ нихъ порядочный штрафъ за несправную доставку товара.

Направленіе низменной части долины и лежащаго въ ней озера сначала восточное, но потомъ поворачиваетъ къ югу, слѣдуя за направлениемъ двухъ параллельныхъ цѣпей горъ. Самое-же озеро, протянувшись въ длину, какъ сказано было выше, около трехъ верстъ, начинаетъ мелѣть, дно его зарастаетъ камышемъ и кугою, а затѣмъ оно становится совершенно сухимъ, покрытымъ густою травой. Судя по очертаніямъ береговъ безводной части озера, оно ранѣе имѣ-

ло гораздо большіе размѣры и, слѣдуя за направлениемъ долины, дѣлало поворотъ на югъ. Въ южной части долины видно было нѣсколько киргизскихъ зимовокъ, состоящихъ изъ довольно обширнаго двора, обнесеннаго земляною стѣной и маленькихъ, весьма невзрачныхъ сакель; около нѣкоторыхъ зимовокъ обработаны небольшіе клочки земли и засѣянъ хлѣбъ, а въ иныхъ мѣстахъ сдѣланы даже незначительныя насажденія тополей и тала. Оставивъ долину, дорога вступаетъ въ узкое ущелье, образованное высокими, скалистыми горами; по дну ущелья съ шумомъ стремится полноводный горный потокъ, а надъ нимъ, по узкому карнизу, извивается узкая тропинка. Тропинка эта, шириною аршинъ около двухъ, тянется по неровному, иногда изборожденному промоинами, а иногда пересѣкаемому небольшими грядами поперечныхъ скалъ, карнизу, круто поднимающемуся вдоль почти отвѣсныхъ скалъ съ лѣвой (сѣверной) стороны и глубокаго оврага—съ правой. Скалы, образующія бока оврага, изрыты водою и представляютъ весьма красивый, оригинальный видъ: нагроможденныя въ самомъ живописномъ, прихотливомъ безпорядкѣ, изрѣзанныя по всѣмъ направленіямъ прогалинами и разщелинами, онѣ имѣютъ фантастическія очертанія исполинскихъ столбовъ, башенъ и т. п. Въ одномъ мѣстѣ горы нѣсколько раздвигаются и образуютъ небольшую, узкую долину, заросшую кустами тальника, арчи и шиповника. Среди сѣверной цѣпи встрѣчались отдѣльныя горы, состоящія изъ массы красной глины и здѣсь мнѣ пришлось увидѣть довольно интересную игру природы—совершенно пустую внутри гору. Вѣроятно ранѣе эта гора представляла глубокой бассейнъ, наполнявшійся стекавшею съ горъ водою; со временемъ вода, постепенно размывая изнутри бока горы, промыла себѣ выходное отверстіе въ долину и вылилась изъ бассейна. Предположеніе это кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что отъ выходнаго отверстія, превратившагося въ узкую, длинную разщелину, тянется длинная полоса красной глины, спускающаяся въ долину и образовавшаяся очевидно изъ водяныхъ осадковъ. Внутренность горы въ

настоящее время совершенно суха и образует правильное, почти цилиндрическое углубление, со стѣнами въ нѣсколько саженъ высотой; внутренняя поверхность этихъ стѣнъ покрыта самыми прихотливыми узорами ярко-красной глины—очевидный признакъ того, что ранѣе это углубление представляло водоемъ. Долина имѣетъ въ длину версты двѣ, а далѣе сближающіяся горы снова переходятъ въ узкое, ущелье. Снова дорога превращается въ узкую горную тропинку, проходящую по карнизу и пересѣкаемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грядками скалъ; особенно неприятна часть дороги, версты въ три длиною: тропинка идетъ уже не по карнизу, а по едва замѣтному выступу горы, надъ глубокой, обрывистой пропастью, по дну которой, съ шумомъ разбиваясь о камни, протекаетъ потокъ. Тропинка до такой степени узка, что лошади едва могутъ идти по ней, притомъ весьма подозрительно раскачиваются корпусомъ и кажется, каждую минуту готовы сорваться въ пропасть и разбиться въ дребезги. Вѣроятность весьма неприятная, а слѣзть съ лошади тоже небезопасно: кажется, что при малѣйшей остановкѣ она потеряетъ равновѣсіе и полетитъ внизъ. Погонщики-киргизы приняли свои предосторожности, чтобы не допустить качавшуюся подъ тяжелымъ вьюкомъ лошадь сорваться съ тропинки; лошадей, ранѣе привязанныхъ одна къ другой поводками, они развязали и проводили черезъ наиболѣе опасныя мѣста по одиночкѣ, причемъ погонщикъ, спустившись на другой, еще болѣе узкій выступъ скалы, находившійся футовъ на два ниже тропинки, подставлялъ плечо подъ нависавшій надъ обрывомъ вьюкъ и такимъ образомъ не позволялъ лошади потерять равновѣсіе.

Съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ я наконецъ, что этотъ головоломный путь прекращается и далѣе довольно широкая дорога идетъ по склону высокой, глинистой горы; это былъ послѣдній перевалъ передъ Гульчею, которая отчетливо видна съ высшей точки перевала. Трудно было утомленнымъ лошадямъ подниматься на такой высотѣ на крутую гору, по скользкой, глинистой дорогѣ, но нужно было торопиться:

каждую минуту можно было ожидать дождя и тогда подъемъ, а еще болѣе чрезвычайно крутой спускъ съ перевала сдѣлался бы весьма труднымъ и даже опаснымъ; по этому мои спутники лаучи энергично подгоняли лошадей, напрягавшихъ свои послѣднія силы. Склоны окрестныхъ горъ были покрыты густою травой, среди которой пестрѣли цѣлыя массы тюльпановъ (Tulipa) всевозможныхъ величинъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ: ярко-красные, желтые, красные съ желтой каймой по краямъ лепестковъ и наоборотъ, желтые съ красной каймой, одни величюю въ обыкновенный садовый тюльпанъ, другіе не болѣе цвѣтка колокольчика; они росли въ такомъ количествѣ, что мѣстами земля казалась покрытою роскошнымъ, пестрымъ ковромъ.

Между тѣмъ дорога становилась все круче и круче, тропинка зигзагомъ поднималась на главную возвышенность перевала, то исчезая въ глубинѣ лощины, то снова появляясь въ видѣ красноватой ленты, тянувшейся по направленію къ вершинѣ.

Наконецъ послѣ часоваго, утомительнаго пути и достигъ высшей точки перевала и

остановился, невольно залюбовавшись открывавшимся отсюда видомъ. Прямо передомною, на глубинѣ около двухъ тысячъ футовъ, лежала узкая долина, со всѣхъ сторонъ окруженная высокими цѣпами горъ; серебристая лента довольно большой, горной рѣчки Гульчи прорѣзывала долину по всей ея длинѣ, т. е. версты на восемь; у южной оконечности долины, почти на самомъ берегу рѣчки и верстахъ въ восьми по прямому направленію отъ того мѣста, на которомъ я находился, виднѣлся сѣроватый четырехугольникъ съ зеленѣвшими внутри его деревьями—укрѣпленіе Гульча; нѣсколько далѣе отъ рѣчки были два длинныхъ, бѣлыхъ зданія: это, какъ я потомъ узналъ, были провіантскіе магазины, расположенные около укрѣпленія. На юго-востокѣ, изъ за нѣсколькихъ рядовъ предгорій, величественно поднималась къ небу, блестя на солнцѣ снѣговыми вершинами, громадная цѣпь главнаго Алая—могучаго отрога великаго Тянь-Шаньскаго хребта, этого таинственнаго царства исполинскихъ вер-

шницъ и ледниковъ.

Позади меня нѣсколькими рядами возвышались только что пройденныя горы, съ своимъ темно-зелеными, кое гдѣ подернутыми бѣлыми полосками снѣга, вершинами и блестящими змѣйками стекавшихъ съ нихъ ручьевъ, пзвивавшихся по склонамъ.

Между тѣмъ растянувшійся по дорогѣ караванъ добрался до вершины и, давъ небольшой отдыхъ лошадямъ, намѣревался продолжать путь. Но спускъ оказался гораздо неудобнѣе подъема: наклонъ мѣстности имѣлъ по крайней мѣрѣ 50°; къ тому же мягкая, глинистая почва не позволяла лошадямъ упираться въ землю копытами и заставляла ихъ постоянно скользить. Лишь немногіе погонщики, имѣвшіе крѣпкихъ на ноги и сильныхъ лошадей, рѣшились спускаться ихъ во вьюкахъ, большинство же, развьючивъ лошадей, снесли грузъ на рукахъ, а лошадямъ предоставили спускаться самимъ и выбирать путь по собственному усмотрѣнію. Пришлось и мнѣ сойти съ сѣдла и ведя лошадь въ поводу, спускаться бокомъ въ то время, какъ лошадь, на каждомъ шагу скользя передними ногами и подобравъ подъ себя заднія, осторожно пробиралась около тропинки. Наконецъ самая крутая часть спуска, сажень во сто длиною, была пройдена благополучно и оставалось окончить спускъ уже по сравнительно удобнымъ тропинкамъ. Хорошо еще, что на перевалѣ насъ не засталъ дождь: въ этомъ случаѣ спускъ никогда не обходится безъ паденія лошадей, а иногда даже и людей, скатывающихся по вязкой, скользкой глинѣ и достигающихъ такимъ образомъ подошвы горы гораздо скорѣе предполагаемаго, впрочемъ, обыкновенно безъ особеннаго вреда для себя.

По торнымъ, глубоко пробитымъ въ мягкой глинѣ тропинкамъ, дальнѣйшій спускъ совершался удобнѣе и скорѣе, и хотя лошадь порою весьма подозрительно упиралась передними ногами въ землю, но во всякомъ случаѣ не рпсковала, вмѣстѣ съ всядникомъ, перевернуться черезъ голову. Спускаясь такимъ образомъ то по склонамъ горъ, то по краямъ глубокихъ, обрывистыхъ овраговъ, я черезъ часъ или полтора достигъ долины, совершивъ послѣднюю часть пути

по высокому руслу горнаго потока, усѣянному массою крупныхъ, гладко отшлифованныхъ водою камней. До укрѣпленія оставалось еще верстъ шесть и моя лошадь бодро пошла по ровной дорогѣ, предчувствуя близкій конецъ утомительнаго пути.

Проѣхавъ послѣднія версты двѣ среди густыхъ зарослей тальника и колючаго кустарника, я выбрался на берегъ рѣки какъ разъ противъ укрѣпленія и остановился въ ожиданіи арбы, на которой, за неимѣніемъ моста и по причинѣ опасности, представляемой переправою верхомъ, долженъ былъ переправиться. Рѣка Гульча въ описываемое время широко разлилась вслѣдствіе таянія снѣга въ горахъ и почти постоянныхъ дождей; переполнивъ постоянное русло она образовала нѣсколько набочныхъ рукавовъ и затопила обширный, низменный островъ.

Наконецъ ожидаемая арба появилась и я, уложивъ на нее свои вещи и помѣстившись самъ, благополучно переправился черезъ шумѣвшую и пѣнившуюся рѣку, дно которой оказалось весьма неровнымъ: по среднѣ русла вода нагромоздила цѣлую массу песку, камней, пней, смытыхъ и увлеченныхъ теченіемъ деревьевъ; все это образовало едва покрытую водою мель, но зато у лѣваго берега вода почти достигала платформы арбы. Отъ мѣста переправы до укрѣпленія было шаговъ триста и я, поручивъ арбакешу доставить вещи, отправился въ крѣпость, гдѣ былъ радушно встрѣченъ воинскимъ начальникомъ.

Съ перваго же взгляда Гульча производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, благодаря своему опрятному виду и находящимся въ ней насажденіямъ деревьевъ; впечатлѣніе это еще болѣе усиливается для человѣка, привыкшаго видѣть внѣ большихъ городовъ, среди выжженныхъ солнцемъ степей запыленные и занесенные пескомъ туркестанскіе „форты“, съ ихъ невзрачными, глинобитными постройками и почти полнымъ отсутствіемъ растительности.

Между тѣмъ наступилъ уже вечеръ; усталость отъ продолжительной ѣзды по горнымъ дорогамъ сильно давала себя чувствовать и мнѣ пришлось до утра отложить

дальнѣйшій осмотръ укрѣпленія и его окрестностей; къ тому-же тучи, заволакивавшія съ утра все небо, разразились сильнымъ, хотя и не весьма продолжительнымъ проливнымъ дождемъ. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ расположился я для отдыха въ одной изъ комнатъ комендантскаго дома, на удобной постелѣ, послѣ полторадневной ѣзды верхомъ и ночлега въ конюшнѣ на Лянгарѣ.

Солнце уже высоко стояло надъ вершинами горъ, когда я проснулся на другое утро. Напившись чаю, я вышелъ изъ дома и занялся осмотромъ укрѣпленія. Крайнее русское укрѣпленіе въ Ферганской области — Гульча, основана въ 1876 году, тотчасъ по занятіи нашими войсками Кокандскаго ханства и присоединеніи его къ Россіи, въ качествѣ опорнаго пункта въ предгорьяхъ Алая и для удержанія въ покорности алайскихъ киргизъ, которые до того времени лишь номинально признавали надъ собою власть хана, свободно перекочевывая изъ предѣловъ ханства въ бывшія Кашгарскія владѣнія и обратно.

Укрѣпленіе имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, со сторонами сажени пятьдесятъ длины, обведено высокимъ валомъ со рвомъ; на двухъ діагонально-противоположныхъ углахъ устроены бастіоны для артиллерійскихъ орудій. Внутри, по среднѣй площади, занимаемой крѣпостью, построенъ большой домъ довольно изящной архитектуры, подъ желѣзною крышею; въ домѣ этомъ помѣщаются квартиры воинскаго начальника и плацъ-адъютанта, а также и управленіе воинскаго начальника. Вдоль восточнаго и сѣвернаго фасовъ расположены казармы гарнизона, высокій, обширный артиллерійскій сарай съ сквозными рѣшетчатыми стѣнами и различныя службы, между которыми обращаетъ на себя вниманіе прекрасно устроенная баня. Все укрѣпленіе выглядит замѣчательно опрятно и даже, можно сказать, парадно: передъ казармами устроенъ красивый и изящный гимнастическій городокъ, а передъ комендантскимъ домомъ разведенъ небольшой, тѣнистый садъ, въ которомъ собраны пред-

ставители всѣхъ растущихъ въ окрестныхъ горахъ породъ деревьевъ и кустарниковъ. Прямая, опрятно содержимая аллея, обсажена рядами бѣлыхъ тополей (*Populus alba*) особаго, свойственнаго этой мѣстности, вида; между тополями растутъ деревья дикой горной яблони (*Pyrus aserba*), мелкоплодной сливы (*Prunus divaricata*), пзвѣстной у туземцевъ подъ именемъ алючи, нѣсколько березъ (*Betula alba*), а также кусты черной смородины (*Rubus spec.*), боярышника (*Crataegus*), шиповника (*Rosa canina*), жимолости (*Lonicera*) съ бѣлыми и розовыми цвѣтками и нѣкоторыя другія породы горныхъ кустарниковъ.

Глубокая долина, въ которой расположено укрѣпленіе, имѣетъ протяженіе отъ сѣверо-запада къ юго-востоку верстъ на восемь и въ ширину до двухъ верстъ, въ наиболѣе широкомъ, сѣверо-западномъ концѣ; высокія горы, частью скалистыя, отвѣсно поднимающіяся, частью болѣе отлогія, окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ и только съ востока открывается узкая долина, почти ущелье, по которому протекаетъ быстрая, горная рѣчка Юшалы—одинъ изъ притоковъ Гульчи. Ровная, нѣсколько покатая къ западу поверхность долины изрѣзана въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно близъ укрѣпленія, небольшими ручьями, берущими начало изъ ключей и прорывшихъ себѣ въ мягкой, черноземной почвѣ глубокія русла.

За нѣсколько времени до моего пріѣзда здѣсь было наблюдаемо интересное явленіе: въ одинъ день всѣ текущіе по долинѣ ручья изсякли и дно ихъ сдѣлалось совершенно сухимъ; но черезъ три-четыре дня вода снова появилась и наполнила русла ручьевъ. На мои разспросы по поводу этого явленія, одинъ изъ туземцевъ сообщилъ, что оно повторяется черезъ болѣе или менѣе значительныя промежутки времени и, по наблюденіямъ туземцевъ, всегда служитъ предвѣстникомъ дождливаго лѣта и урожая хлѣбовъ на низменности. Относительно облія дождей примѣта оказалась совершенно вѣрною: въ Ошѣ, до половины іюня почти непрерывно шли дожди, чего, по словамъ старожитовъ не было уже лѣтъ десять; точно также роскошный ростъ и полные, на-

ливные колосья хлѣбовъ обѣщали богатый урожай. На хлѣба, посѣянные на искусственно орошаемыхъ поляхъ, вода совсѣмъ не напускалась и они росли при естественномъ орошеніи. Благодаря плодородной почвѣ и обилію влаги, долина Гульчи покрыта богатой растительностью и здѣсь находятся едва-ли не единственные во всемъ краѣ, прекрасные сѣнокосы: трава, известная въ средней полосѣ Россіи подъ именемъ „овсюка“ (*Avena rubescens*) и доставляющая отличное сѣно, покрываетъ долину и склоны окрестныхъ горъ. Кромѣ этой травы, въ долинѣ находится множество представителей другихъ породъ: близъ воды можно замѣтить яркоцвѣтныя мятелки душистой мяты, небольшіе кустики ароматической травы чаберъ (*Satureja hortensis*) и цѣлыя заросли жгучей крапивы (*Urtica dioica*)—растенія весьма рѣдко встрѣчающагося въ Туркестанѣ. На возвышенностяхъ и вообще на болѣе сухихъ мѣстахъ виднѣлись отдѣльные экземпляры *Eremurus*'а, желтаго звѣробоя (*Hieracium quadrangulare*) и полевого шалфея (*Salvia officin.*) Но особенно бросалось въ глаза обиліе шампиньоновъ (*Agaricus edulis*, Bull.), покрывавшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ густыми высыпками цѣлыя склоны холмовъ. Проживъ въ Туркестанскомъ краѣ болѣе десяти лѣтъ, я въ первый разъ встрѣтилъ такое множество этого гриба, вообще встрѣчающагося въ Туркестанѣ рѣдко и въ весьма ограниченномъ количествѣ. Здѣсь я нашелъ шампиньоны двухъ видовъ: шарообразные съ свѣтло-коричневой верхней кожицей и окрашенною въ густой, розовый цвѣтъ внутренней поверхностью, съ довольно плотнымъ, упругимъ тѣломъ и совершенно бѣлые, съ слабою, розовою, почти блѣдною окраскою внутренней стороны, отличающіеся даже въ самомъ раннемъ возрастѣ широкою шляпкою и чрезвычайно нѣжнымъ тѣломъ. Кромѣ шампиньоновъ, у корней деревьевъ попадались опенки (*Agaricus melleus*); изъ несъѣдобныхъ-же грибовъ во множествѣ встрѣчался известный грибъ, имѣющій почти цилиндрическую шляпку, покрытую чешуйчатой кожей съ совершенно черною внутренней поверхностью и довольно крупныя дож-

девики, которыхъ мякоть (споры) по созрѣваніи обращается въ порошокъ темно-кофейнаго цвѣта, вылетающій въ видѣ густаго облака, если раздавить грибъ. Берега рѣки и ея разливовъ поросли густыми кустами тальника, шиповника и ягодными кустами облѣпихи (*Hipporrhæe rhamnoides*), которую я здѣсь видѣлъ въ первый разъ. Облѣпиха растетъ довольно большими кустами, около четырехъ аршинъ вышины, имѣетъ тонкія, гибкія вѣтви, съ узкими, блѣдно-зелеными листьями; плоды ея—небольшія, круглыя ягоды желтаго цвѣта—густо покрываютъ вѣтви, вслѣдствіе чего кустарникъ и получилъ свое названіе. Ягоды облѣпихи, употребляемая въ Сибири и на Кавказѣ для приготовленія варенья и наливокъ, имѣютъ пріятный, кисловатый вкусъ и довольно ароматичны. Кромѣ кустарниковъ, по берегамъ рѣки и на островахъ растутъ большія, таловыя деревья, стволы которыхъ покрыты массами чужеяднаго древеснаго гриба (*Polyporus*), образующаго на нѣкоторыхъ деревьяхъ слои, до четверти аршина толщиною.

Царство животныхъ имѣетъ въ долинѣ и на окрестныхъ горахъ довольно многочисленныхъ представителей: въ густыхъ заросляхъ по берегамъ рѣки гнѣздится множество фазановъ, а по разливамъ встрѣчаются многочисленныя стаи утокъ различныхъ породъ. Надъ долиною, въ разныхъ мѣстахъ перелетали скворцы, цѣлыми тучами, кружась надъ стадами пасшихся овецъ.

Проходивъ по долинѣ далеко за полдень, я возвратился въ укрѣпленіе, рассчитывая послѣ обѣда заняться ботанизованіемъ въ горахъ и осмотрѣть находящійся тамъ каменный столбъ—интересную игру природы, известную у киргизъ подъ именемъ „Ташъ-ханымъ“, т. е. каменная женщина. Но начавшійся часа въ четыре сильный дождь заставилъ меня отказаться отъ этого намѣренія и только на другой день я имѣлъ возможность привести его въ исполненіе. Часовъ въ одиннадцать я, закусивъ, отира- вился на экскурсію въ сопровожденіи одного изъ немногихъ гульчинскихъ старожиловъ, направляясь къ возвышавшейся въ

полуверстѣ отъ крѣпости восточной цѣпи горъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы достигли ея подошвы и начали подниматься по крутой отлогости горы, покрытой густой травой. Каменная порода горъ покрыта сверху слоемъ плодородной земли и только въ промонахъ, во множествѣ прорѣзывающихъ бока горъ, цѣлыми массами лежатъ камни всевозможныхъ величинъ, да кое-гдѣ, по склонамъ, виднѣются обломки скалъ, снесенные весеннею водою. Среди покрывавшихъ почву растеній обращали на себя вниманіе кусты розовой жимолости и роскошныя кисти крупныхъ, желтыхъ цвѣтовъ, принадлежащихъ къ роду *Antirrhinum*, одинъ изъ представителей котораго хорошо извѣстенъ всѣмъ подъ именемъ „львиный зѣвъ“. Послѣ получасоваго пути, мы наконецъ добрались до гребня горы; но впереди предстоялъ еще переходъ черезъ слѣдующую цѣпь горъ и затѣмъ уже спускъ къ мѣсту, гдѣ находится „каменная женщина.“ Послѣ медленнаго, съ постоянными остановками подъема по крутому и заросшему скользкой травой склону горы, мы достигли вершины и вблизи передъ нами, на южной оконечности горы открылся обширный оврагъ, очевидно вымытый водою.

По причинѣ крутизны, спускъ къ этому оврагу оказался весьма неудобнымъ: пришлось, медленно спускаясь, постоянно упираться ногами въ выдававшіеся камни и удерживаться руками за какой-то колючій кустарникъ, въ изобиліи покрывавшій склоны горъ.

Но вотъ мы и на краю глубокаго, извилистаго оврага, открывающагося широкимъ устьемъ въ долину рѣчки Юшалы. Берега этого оврага въ его началѣ совершенно отвѣсны и состоятъ изъ массы мелкихъ валуновъ, соединенныхъ между собою глинисто-известковымъ цементомъ; у сѣвернаго берега и находится „каменная женщина“. На небольшомъ уступѣ отвѣсной стѣны возвышается высокій столбъ, имѣющій одинаковый составъ съ окружающими его горами, т. е. состоящій изъ множества мелкихъ, соединенныхъ между собою камней и на вершинѣ этого столба лежатъ громадная, полукруглая глыба камня—одинъ изъ

множества разсѣянныхъ въ окрестностяхъ обломковъ скалъ. Столбъ у основанія имѣетъ въ поперечникѣ около двухъ сажень, а къ верху становится значительно тоньше, такъ что лежащій на немъ камень выступаетъ своими краями надъ вершиною столба. Если смотрѣть снизу, изъ долины, то фигура столба, съ лежащимъ на немъ камнемъ, дѣйствительно, имѣетъ нѣкоторое сходство съ стоящей женщиной съ котломъ головѣ.

Объяснить происхожденіе этой игры природы весьма легко: всда, размывая постепенно берега оврага, который представляетъ ничто иное, какъ исполинскую промоину, дошла до лежащаго на краю камня и начала размывать почву вокругъ него; по мѣрѣ размыванія почвы, образовывался столбъ, а камень остался на вершинѣ его; все это происходило, по видимому, въ весьма недалекомъ прошломъ, такъ какъ, по словамъ здѣшнихъ старожилловъ, въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ столбъ, вслѣдствіе постояннаго размыванія водою, слѣлался значительно тоньше прежняго и вѣроятно еще черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ размытъ и уничтоженъ окончательно. Но фантазія туземцевъ украсила происхожденіе „каменной женщины“ слѣдующею легендою: лѣтъ шестьсотъ тому назадъ въ долину Гульчи, среди киргизскихъ ауловъ, жилъ нѣкій ишанъ (подвижникъ), котораго правовѣрные снабжали всѣмъ необходимымъ для жизни. Разъ, обходя аулы за сборомъ подаянія, онъ зашелъ въ кибитку одной вдовы и просилъ дать ему чего нибудь съѣстнаго; но скупая женщина отказала и даже выгнала святаго изъ кибитки. Черезъ нѣкоторое время, собравъ необходимое количество припасовъ, ишанъ опять подошелъ къ жилищу той-же вдовы и просилъ позволенія приготовить себѣ пищу въ стоявшемъ около кибитки котлѣ и опять получилъ грубый отказъ; владѣлица котла взяла его на голову и хотѣла удалить отъ докучливаго ишана. Тогда оскорбленный святой проклялъ женщину и повелѣлъ ей на вѣки оставаться неподвижной съ котломъ на головѣ. И вотъ уже сотни лѣтъ, какъ она стоитъ, превратясь вмѣстѣ съ котломъ въ камень, на томъ

мѣстѣ, гдѣ застигло ее проклятіе обиженнаго святаго.

Дно и бока оврага покрыты густыми зарослями кустовъ шиповника, а богатая, плодородная почва окрестныхъ горъ способствуетъ развитію травянистыхъ растений. Среди густой травы видно безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: красивые синіе и розовые первоцвѣты (*Prinula*), крупныя незабудки и фіалки, между которыми возвышаются высокіе стебли приуса и дикаго лука (*Allium rotundum*) съ темно фіолетовыми цвѣтами; изъ некрасивыхъ растений въ изобиліи растетъ жгучая крапива, какое-то неизвѣстное мнѣ растеніе съ толстымъ мясистымъ стеблемъ и большими плотными листьями, а также обыкновенный щавель (*Rumex acetosa*).

Осмотрѣвъ оврагъ и его окрестности и собравъ нѣсколько растений, я возвратился въ укрѣпленіе, намѣреваясь послѣ обѣда заняться рыбной ловлей въ рѣкѣ Гульчѣ и мелкихъ ручьяхъ, протекающихъ по долине. Но это намѣреніе не удалось привести въ исполненіе: вскорѣ надъ долиною разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ и заставила меня отказаться на этотъ разъ отъ дальнѣйшихъ экскурсій. Въ этотъ день въ Гульчу прибыла команда казаковъ, слѣдовавшая въ Иркештамъ—крайній русскій постъ въ Алайскихъ горахъ, расположенный на самой границѣ съ китайскимъ Туркестаномъ. Путешествіе казаковъ не обошлось безъ неприятныхъ приключеній: во время проѣзда надъ озеромъ Капланъ-куль одна изъ вьючныхъ лошадей сорвалась въ воду и вьюкъ, состоявшій изъ казачьяго имущества, оказался совершенно промоченнымъ. Такъ-же много хлопотъ стоило казакамъ спускъ вьюковъ на послѣднемъ перевалѣ, подъ сильнымъ дождемъ, по размокшей, глинистой тропинкѣ. Но самый неудобный путь для казаковъ былъ еще впереди.

Изъ Гульчи къ Иркештаму ведутъ два главные пути: черезъ перевалы Терекъ-даванъ и Талдыкъ. Первый изъ нихъ, кратчайшій, былъ въ то время совершенно недоступенъ, вслѣдствіе происшедшихъ на перевалѣ Терекъ-даванъ снѣжныхъ обваловъ

и совершеннаго размытія дождями горныхъ тропинокъ. Второй путь, на Талдыкъ тоже не отличался удобствами: при мнѣ въ Гульчу прибыло нѣсколько десятковъ вьючныхъ лошадей, которыхъ вьюки были оставлены на перевалѣ, такъ какъ нагруженные животныя не могли подниматься на высоту перевала, не подвергаясь крайней опасности сорваться съ размокшихъ тропинокъ въ пропасть.

По словамъ погонщиковъ лошадей, черезъ перевалъ путь былъ возможенъ только рано утромъ, когда тропинка нѣсколько обмерзала, да и то при движеніи большаго числа животныхъ дорога скоро разбивалась и становилась, по прежнему, непроходимой.

Въ продолженіи ночи дождь пересталъ и къ утру небо совершенно очистилось отъ тучъ; только вокругъ снѣговыхъ вершинъ Алая клубились небольшія облачка, быстро исчезавшія отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Намѣреваясь на слѣдующій день выѣхать изъ Гульчи обратно, въ Ошъ, я спѣшилъ окончить сборъ растений и осмотрѣть окрестностей въ тотъ-же день. Часовъ въ одиннадцать, когда солнце уже достаточно высушило землю, отправился я на берегъ Гульчи, направляясь къ высокой скалѣ, стоящей отдѣльно, на самомъ берегу рѣки. Кромѣ кустовъ обльпихи, мелкаго тальника и довольно рослыхъ тополевыхъ деревьевъ, на берегу не оказалось ни одного сколько нибудь интереснаго растенія.

Отъ дождя вода сильно прибыла и потому о ловлѣ рыбы нечего было и думать; къ тому-же въ Гульчѣ, кромѣ распространенной въ туркестанскихъ водахъ и всѣмъ хорошо извѣстной маринки (*Schizothorax*) не водятся никакихъ породъ рыбъ; но въ горныхъ ключахъ на Алаѣ въ изобиліи встрѣчается форель (*Salmo*). Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу въ пхтіологической экскурсіи, я отправился на возвышавшіяся недалеко отъ рѣки горы, чтобы насколько возможно пополнить свой ботаническій сборъ. Здѣсь мое вниманіе привлекъ рѣзкій, раздававшійся въ разныхъ мѣстахъ, свистъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ по склонамъ горъ множество сурковъ, ко-

торые, отыскивая пищу, ходили вокруг своих норъ. Этотъ небольшой, около фута длины, звѣрекъ-грызунъ весьма распространенъ въ окрестныхъ горахъ и только благодаря пасмурной погодѣ я не видѣлъ ихъ ранѣе, ни во время экскурсій около Гульчи, ни во время переѣзда. Нѣсколько шкурокъ сурковъ я въ тотъ-же день нашелъ продавающимся на базарѣ, около укрѣпленія. Солдаты гульчинскаго гарнизона бьютъ звѣрковъ и жиръ ихъ употребляютъ для смазыванія сапоговъ, предпочитая его въ этомъ случаѣ бараньему жиру; во время-же Алайскаго похода въ 1876 году употреблялось множество сурковъ и жиръ ихъ употреблялся для смазки оружія. Кромѣ сурковъ и мелкихъ земляныхъ мышей, я не встрѣтилъ ни одного млекопитающаго животнаго; но выше, въ горахъ водятся кабаны и дикія козы, извѣстныя у туземцевъ подъ именемъ „кѣкѣ“. Молодаго кѣнка, пойманнаго киргизами, мнѣ пришлось однажды видѣть въ Ошѣ, куда онъ былъ привезенъ.

Недостатокъ млекопитающихъ вознаграждался обиліемъ представителей пернатата царства: множество жаворонковъ, сворцовъ и особаго рода горныхъ куликовъ перелетало надъ горами; среди камней безпрестанно слышался рѣзкій крикъ горныхъ куропатокъ, а въ воздухѣ, надъ скалами величественно парило нѣсколько громадныхъ, горныхъ орловъ. Собравъ нѣсколько экземпляровъ различныхъ кустарниковъ, я поторопился возвратиться въ укрѣпленіе, такъ какъ на другой день долженъ былъ выѣхать обратно, въ Ошъ, вмѣстѣ съ командою нижнихъ чиновъ, уходившихъ на родину. Въ этотъ день въ Гульчу изъ Оша пріѣхалъ

джигитъ, привезшій почту и сообщилъ, что арбяной путь на перевалѣ Гичикъ-чаръ очистился отъ снѣга и движеніе по немъ можетъ производиться безпрятственно. Поэтому я рѣшилъ обратный путь совершить по арбяной дорогѣ, что обѣщало болѣе удобствъ и интереса, нежели поѣздка по знакомому уже, вьючному пути. Остатокъ дня и вечеръ я посвятилъ приведенію въ порядокъ собранныхъ растений, которыя нужно было засушить для сохраненія.

На другой день, рано утромъ, человекъ

сорокъ солдатъ, съ двумя арбами и нѣсколькими вьючными лошадьми, приготовились къ выступленію. Тщательно уложивъ свой гербаріумъ во вьюкъ, я верхомъ выѣхалъ къ переправѣ на берегъ Гульчи. Въ теченіи ночи вода сильно поднялась; переправляться верхомъ было чрезвычайно рискованно, такъ какъ прибывшая вода часто вымываетъ глубокія ямы тамъ, гдѣ наканунѣ была песчаная мель, а потому я и остановился, въ ожиданіи арбы. Черезъ нѣсколько времени команда, съ своими арбами подошла къ берегу и начала приготовляться къ переправѣ: одинъ изъ арбакешей отиравился верхомъ изслѣдовать русло рѣки и выбрать направленіе, по которому арбы могли-бы безопасно переправиться; дно оказалось ровнымъ, безъ глубокихъ вымоинъ, такъ что даже вьючныя лошади могли переправиться въ бродъ, на арбахъ-же пришлось перевозить лишь нѣкоторыя вещи и людей.

Черезъ полчаса переправа была окончена и мы, пройдя небольшую рощу, разросшуюся по берегу рѣки, вступили въ узкое ущелье, по которому протекаетъ небольшая рѣчка Джилу-су, впадающая съ правой стороны въ Гульчу. Ущелье образуется двумя высокими, скалистыми цѣпями горъ и имѣетъ дикій, но чрезвычайно живописный видъ; болѣе отлогіе склоны и небольшія террасы горъ густо поросли деревьями арчи, рослыми, красивыми тополями, дикими яблонями и разнообразными кустарниками, между которыми красивые, осыпанные массою цвѣтовъ, кустики розовой жимолости обращали на себя вниманіе своей многочисленностью; выше въ горахъ, какъ говорятъ, есть роща сосны (вѣроятно *Pinus montana*) и березовыхъ деревьевъ, достигающихъ довольно значительной величины; кромѣ того, одинъ изъ солдатъ сообщилъ мнѣ, что въ горахъ часто встрѣчаются кусты черемухи (*Cerasus Radians*), но мнѣ самому не пришлось провѣрить справедливость этого сообщенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по краямъ дороги, были сложены кучи срубленныхъ деревьевъ, частію расколотыхъ на дрова, а частію въ видѣ бревенъ; послѣднія почти исключительно были

выдѣланы изъ арчи, которая, не будучи подвержена быстрой порчѣ отъ сырости, обыкновенно употребляется для построекъ и только вѣтви и небольшіе кустики обжигаются въ уголь; нѣсколько дымящихся угле-обжигательныхъ ямъ видѣлись тутъ-же, въ разныхъ мѣстахъ, по склонамъ горъ. Между кустами въ изобиліи росли разноцвѣтные тюльпаны, *Eremurus*, и какое то растеніе съ толстыми, мясистыми стеблями и большими листьями, похожими на листья лопуха, среди которыхъ находятся крупныя кисти бѣлыхъ цвѣтковъ, съ чрезвычайно сильнымъ, пріятнымъ ароматомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воздухъ былъ наполненъ вѣрнымъ, одуряющимъ запахомъ дикаго лука, фіолетовые цвѣты котораго попадались группами почти на каждомъ шагу.

Дорога идетъ, постепенно поднимаясь, по узкому, скалистому ущелью, надъ самымъ берегомъ Джилу-су и верстахъ въ трехъ отъ Гульчи пересѣкаетъ эту рѣчку, круто поворачивая къ сѣверу; здѣсь отъ дороги отдѣляется узкая тропинка, ведущая къ теплomu ключу съ желѣзистой водой. Подъ свѣтлою громадныхъ карагачей и тутовъ (*Morus alba*) изъ небольшой расщелины скалы вытекаетъ ключъ, образующій небольшой колодезь въ естественномъ водоемѣ; вода въ ключѣ чрезвычайно тепла и имѣетъ непріятный, желѣзистый вкусъ; между окрестными жителями она считается цѣлебною отъ разнаго рода кожныхъ болѣзней. После своего поворота на сѣверъ, дорога становится гораздо неудобнѣе для движенія: близость высокаго и крутаго подъема на перевалъ становится все замѣтнѣе, такъ что лошади съ трудомъ поднимали арбы по довольно гладкой каменной дорогѣ. Нужно замѣтить, что до основанія укрѣпленія Гульчи здѣсь не существовало колеснаго пути, а онъ былъ разработанъ нашими войсками. Нѣсколько сотъ солдатъ въ теченіи лѣта 1876 года работали надъ устройствомъ этой дороги и не малаго труда стоило проложить ее, сначала по скалистому ущелью, а потомъ устроить возможный подъемъ на почти отвѣсную глинистую гору. Часа три тянулись мы по дорогѣ, становившейся все круче и круче, а самая

трудная часть пути—красный перевалъ, все еще былъ впереди; наконецъ окончательно выбившіяся изъ силъ лошади не могли уже тянуть арбы, хотя и нагруженныхъ сравнительно легко и, протянувшись кое-какъ еще версты три, пришлось дать лошадямъ небольшой отдыхъ у самаго подъема на высокую, глинистую гору, по которой ярко-краснымъ зигзагомъ извивалась дорога, скрываясь въ облежавшемъ вершины туманѣ. Но и послѣ отдыха лошади, протянувъ арбы нѣсколько шаговъ, остановились и даже начали подаваться назадъ: ихъ ноги, снабженныя гладкими, туземными подковами, не находили опоры на скользкой, размокшей дорогѣ. Тогда человекъ двадцать солдатъ, схватившись за колеса, оглобли и привязанныя веревки, принялись собственными силами вытягивать арбы на гору, сопровождая, по обыкновенію, эту работу громкими криками; такимъ образомъ арбы поднимались исключительно солдатами, такъ какъ изнуренныя лошади, не смотря на неистовые вопли понукавшихъ ихъ арба-кешей, почти не вкладывались въ хомуты. „Точно мыши кота хоронятъ“, съострилъ одинъ изъ солдатъ, смотря на облѣпившихъ едва-едва подвигавшуюся арбу товарищей. Но эти „похороны кота“ грозилъ затянуться слишкомъ долго, такъ какъ черезъ каждые 30—40 шаговъ арбы останавливались, поворачивались поперекъ дороги и уставшіе солдаты усаживались на нѣсколько минутъ для отдыха, по краямъ дороги; до привала-же, который рѣшено было сдѣлать на небольшой лоцинкѣ, находящейся на половинѣ горы, оставалось еще около версты.

Черезъ часъ, однако, этотъ оригинальный поѣздъ добрался до мѣста привала; арбы были свезены въ лоцинку влѣво, отъ дороги, лошади выпряжены, развьючены и пущены на пастбище; задымилась костры надъ солдатскими чайниками и среди безмолвныхъ, горныхъ вершинъ расположился шумный бивуакъ. Дальше, еще на полверсты, поднималась почти отвѣсная гора, покрытая до самой вершины, густой травой, среди которой рѣзко выдѣлялись крас-

ные зигзаги дорог. Печего было и думать по этой скользкой, размокшей крутизне везти нагруженные арбы; приходилось часть вещей разложить на вьючных лошадей, а часть нести на руках, арбы же поднимать порожнякомъ.

Послѣ получасоваго отдыха команда двинулась дальше, къ вершинѣ перевала; вьючныя лошади и люди пошли на-прямикъ, по травѣ, что было гораздо удобнѣе, нежели идти по скользкой, глиняной дорогѣ, по которой принуждены были двигаться освобожденные отъ груза арбы.

Черезъ полчаса мы были уже на вершинѣ горы, представляющей почти ровную площадь, окруженную высокими, покрытыми снѣгомъ горами, и остановились для нагрузки арбы. Вершина горы только что освободилась отъ снѣга, который небольшими пластами продолжалъ еще лежать въ многочисленныхъ углубленіяхъ: сквозь едва пробивавшуюся траву просвѣчивала красная почва, но въ травѣ уже бѣлѣли серебристыя цвѣтки подснежниковъ (*Galanthus pivalis*). Въ первый разъ въ Туркестанѣ я увидѣлъ этотъ цвѣтокъ, столь любимый въ Европѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ жаворонкомъ, служитъ первымъ вѣстникомъ начинающейся весны.

Такимъ образомъ поднялись мы на перевалъ Гичпкъ-чаръ или Гичирчикъ, извѣстный у ошцевъ подъ именемъ „Краснаго перевала“, по цвѣту окрестныхъ горъ, по которымъ прелегается дорога; перевалъ этотъ составляетъ самую неудобную часть пути изъ Гульчи въ Ошъ. Теперь оставалось только совершить сравнительно удобный спускъ, а затѣмъ до самаго Лянгара дорога шла по ровной долинѣ, переѣздъ по которой не могъ представить никакихъ затрудненій. Но при самомъ началѣ пути съ вершины перевала пошелъ довольно сильный дождь и дорога стала покрываться глубокой, вязкой грязью, сильно затруднявшей движеніе людей, и безъ того уже уставшихъ отъ труднаго подъема. Къ счастью, глинистая почва дороги скоро смѣнилась твердой, камелной породой; разработанная дорога проходитъ по узкому карнизу надъ глубокимъ оврагомъ, по дну котораго протекаетъ

небольшая, но быстрая рѣчка, а дорогу въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаютъ небольшіе ручейки съ замѣчательно чистою, прозрачною водою, вытекающею изъ ключей.

Вскорѣ изъ ущелій подулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ и дождь смѣнился снѣгомъ, крупными хлопьями падавшимъ на землю; но конецъ перевала былъ недалеко и черезъ полчаса, когда мы спустились въ глубокую, узкую долину, снѣгъ снова смѣнился дождемъ, а вскорѣ затѣмъ покрытсе густыми тучами небо стало проясняться, дождь прекратился и яркое солнце освѣтило долину. Не смотря на утомленіе, быстро пошли и люди и лошади по гладкой долинѣ, отлого спускающейся къ сѣверо-западу и ограниченной двумя высокими цѣпами горъ, покрытыми густою, зеленою травою; вытекающая изъ ущелья рѣчка протекаетъ по долинѣ и не стѣсненная горами, образуетъ нѣсколько мелководныхъ рукавовъ. У подошвы горъ пріютилось множество киргизскихъ ауловъ, вокругъ которыхъ паслись многочисленные стада овецъ и табуны лошадей. Кромѣ скотоводства, здѣшніе киргизы занимаются и хлѣбопашествомъ: въ разныхъ мѣстахъ видѣлись болѣе или менѣе значительныя участки земли, засѣяныя пшеницею и ячменемъ.

Здѣсь мнѣ пришлось быть зрителемъ весьма интересной и оживленной картины: утомившись продолжительной ѣздой верхомъ, я слѣзъ съ сѣдла и велъ лошадь въ поводу, но вдругъ она, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону, вырвала изъ рукъ поводъ и понеслась прямо къ пасшемуся вдали табуну киргизскихъ лошадей; испуганные приближеніемъ незнакомаго пришельца, лошади шарахнулись всѣмъ табуномъ и понеслись по горамъ, вмѣстѣ съ вмѣшавшеюся въ ихъ толпу моею лошадью. Нѣсколько находившихся по близости киргизъ немедленно вскочили на привязанныхъ у юртъ лошадей и поскакали въ погоню за убѣгавшимъ табуномъ. Намѣреваясь обскákatъ табунъ, киргизы летѣли во весь опоръ по такимъ стремнинамъ, что страшно было смотрѣть и эта бѣшеная скачка продолжалась болѣе получаса. Наконецъ ло-

шадн обскакавшими ихъ киргизами были направлены въ долину, двое молодыхъ парней изловили мою лошадь и привели ко мнѣ; получивъ за труды неизбежное селяу (подачку), они сорвались съ мѣста въ карьеръ и съ гикомъ понеслись къ ауламъ, куда уже собралась стада на ночлегъ.

Между тѣмъ сумерки смѣнились тихой, ясной ночью; сквозь прозрачный, горный воздухъ ярко заблестѣли на небѣ миллионы звѣздъ; до Лянгара оставалось еще верстъ пять и мы, утомленные сороковерстнымъ переходомъ, торопились пройти это разстояніе. Но путь нашъ замедленъ былъ на нѣкоторое время довольно комичнымъ приключеніемъ: одинъ изъ арбакешей, задремавъ на

своемъ сѣдлѣ, съѣхалъ съ дороги въ сторону и всадилъ арбу въ довольно глубокую промоину; всѣ усилія выручить арбу изъ промоины оказались тщетными и колеса ея начали даже весьма подозрительно скрипѣть. Пришлось разгружать этотъ экипажъ, выносить вещи, распречь лошадь и потомъ на рукахъ выкатывать пострадавшую арбу. Не обошлось и безъ того, чтобы разсерженные солдаты не потрепали арбакеша, но флегматичный сартъ отнесся къ этому, какъ къ заслуженному возмездію за свою оплошность и, вѣроятно въ утѣшеніе себя, сообщилъ даже, что въ прошломъ году на перевалѣ его поколотили гораздо чувствительнѣе зато, что, онъ, задремавъ среди дня чуть было не спустилъ арбу въ оврагъ.

Послѣ приключенія съ арбою, путь продолжался уже безпрепятственно; переѣхавъ сухое русло какой-то рѣчки, я увидѣлъ не вдалекѣ нѣсколько огней, а черезъ полчаса мы добрались наконецъ до Лянгара и остановились на ночлегъ. Станціонный домъ оказался почти совсѣмъ обрушившимся; перспектива ночлега въ конюшнѣ была для меня въ высшей степени непріятна, но, къ счастью, недалеко отъ станціи оказалась какая-то мизерная лавченка, въ которой я и расположился.

Крѣпко заснулъ я послѣ утомительнаго дневнаго пути и проснулся на другой день часовъ въ десять утра. Напившись чака, я выѣхалъ изъ Лянгара и въ тотъ же день возвратился въ Ошъ.

А. Симоновъ.

Возрождающееся Мерке.

Въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось посѣтить селеніе Мерке, Аулие-атинскаго уѣзда, отстоящее въ 155 верстахъ отъ г. Аулие-ата, по тракту на г. Вѣрний. Осмотрѣвъ возникающій въ Мерке русскій поселокъ того-же наименованія и существующую тамъ-же русско-мусульманскую школу, считаю не безъинтереснымъ подѣлиться добытыми мною свѣдѣніями съ лицами, интересующимися развитіемъ новой учебной реформы края, имѣющей цѣлью зарожденіе и укрѣпленіе русскаго духа въ туземномъ населеніи, развитіе его въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи,—а также нахожу небезъинтереснымъ сообщить имѣющіяся у меня свѣдѣнія и о развитіи самаго селенія Мерке.

Русскій поселокъ Мерке основанъ лишь осенью 1885 года. Жители его переселенцы изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи а частью изъ Сибири и Семирѣченской области. Въ 1885 году въ селеніи этомъ было всего лишь 4 семьи, въ настоящее-же время поселокъ разросся до 40 семей, помѣщающихся въ 35 дворахъ. Матеріальное благосостояніе переселенцевъ оставляетъ желать еще многого, ибо осѣвшивъ лишь такъ недавно, послѣ долгаго и тяжелаго пути изъ Россіи, переселенцы не могли еще обзавестись всѣмъ для нихъ необходимымъ, будучи притомъ исключительно заняты въ истекшемъ году обработкой земли, посѣвами и снятіемъ урожая, который по имѣющимся свѣдѣніямъ былъ весьма благопріятенъ.

Военный Губернаторъ Сыръ-дарьинской области Н. И. Гродековъ оказалъ весьма существенную поддержку жителямъ селенія Мерке, выдавъ имъ безвозмездно строевой лѣсъ, оставшійся по разборѣ разрушенныхъ казармъ и провіантскаго магазина укр. Мерке, что дало во возможность поселянамъ ускорить постройкою домовъ осенью минувшаго года и тѣмъ оказало весьма существенную поддержку въ ихъ хозяйствѣ.

До образованія русскаго поселка, селеніе Мерке представляло собою туземный киш-